

ОТ ЛАУРЕАТА НОБЕЛЕВСКОЙ ПРЕМИИ И ПРЕМИИ МАО ДУНЯ —
САМОЙ ПРЕСТИЖНОЙ КИТАЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ НАГРАДЫ

МО ЯНЬ

СТРАНА ВИНА

Мо Янь
Страна вина
Серия «Литературные
хиты: Коллекция»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66727202

Страна вина: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-161578-9

Аннотация

Уже давно ходят жуткие слухи, что в провинции Цзюго (что буквально означает «Страна вина») творится неслыханное – поедают детей. На следователя по особо важным делам провинциальной прокуратуры Дин Гоуэра была возложена ответственная миссия – докопаться до правды. В честь приезда следователя в провинции закатывают грандиозный пир, который станет началом того тяжелого алкогольного ступора, который опустится, кажется, на весь окружающий мир.

Перед вами еще одно фантасмагоричное путешествие в самое сердце Китая от нобелевского лауреата Мо Яня.

Содержание

Глава первая	5
1	5
2	40
3	45
4. «Дух вина»	48
Глава вторая	69
1	69
2	95
3	102
4. «Мясные дети»	108
Глава третья	131
1	131
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Мо Янь

Страна вина

Mo Yan

THE REPUBLIC OF WINE

Copyright © 1992, Mo Yan All rights reserved

© Егоров И., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава первая

1

Следователь по особо важным делам провинциальной¹ прокуратуры Дин Гоуэр трясся в кабине угольного грузовика. Он ехал на шахту Лошань проводить специальное расследование, и от неотвязных мыслей голова буквально распухла. Коричневая бейсболка пятьдесят восьмого размера, которая раньше сидела свободно, теперь сжимала голову словно обруч. Стало совсем невозможно, он стащил бейсболку и увидел, что она вся влажная от пота. В нос ударил жаркий дух жирных волос, смешанный с другим запахом, сырым и холодным. Запах показался каким-то чужим, накатила тошнота, и он схватился за горло.

Когда до шахты было уже рукой подать, на черном полотне дороги стали появляться все новые неровности и ухабы, и разогнавшемуся грузовику пришлось сбавить скорость. Жутко скрипели рессоры, Дин Гоуэр то и дело стучался головой о потолок кабины. Сидевшая за рулем довольно симпатичная молодая особа крыла дорогу и людей почем зря; из ее

---

¹ *Провинция* – самая крупная единица территориального деления в Китае. – Здесь и далее примечания переводчика.

уст неслась такая брань, что так и хотелось отпустить грубую шуточку. Не удержавшись, он покосился на нее. Синяя роба, торчащий из-под нее воротник розовой рубашки закрывает часть белой шеи; сверкающие темные глаза с зеленоватым отливом, короткая стрижка, черные волосы – жесткие и блестящие. Руки в белых перчатках вцепились в баранку: вся внимание, она впилась глазами в дорогу, объезжая колдобины. Машина уходила влево – туда же кривился рот, брала вправо – он перекашивался в ту же сторону. Так и ходил туда-сюда. На носу выступил пот, на лбу обозначились морщины. Лоб низкий, подбородок твердый, губы пухлые – видать, женщина пылкая, страстная. Грузовик сильно качнуло, их тела нечаянно соприкоснулись, и даже через одежду изголодавшаяся кожа ощутила близкую мягкость и тепло.захотелось прижаться к ней, потрогать руками. Странноватые ощущения для опытного сорокавосемилетнего следователя, но, опять же, вроде бы нормальные. Он тряхнул головой и отвел от нее взгляд.

Дорога становилась все хуже. Грузовик попадал то в одну колдобину, то в другую, раскачивался и скрипел, но продолжал ползти вперед, будто громадный зверь, у которого вот-вот разъедутся лапы, и в конце концов пристроился в хвост длинной колонне машин. Женщина расслабленно вытянула ноги, заглушила двигатель, стянула перчатки, стукнула по рулю и недружелюбно глянула на него:

– Мать его, хорошо, что ребенка в пузе нету!

Вздвогнув, он проговорил, чтобы расположить ее:

– Будь там ребенок, его бы уже вытрясло!

– Так я и позволю, чтобы его вытрясло, – строго возразила шоферица. – За ребенка две тысячи юаней дают. – И уставилась на него чуть ли не с вызовом, но все в ней говорило, что она ждет ответа.

Дин Гоуэра охватил радостный испуг и любопытство. В результате этого короткого обмена грубоватыми фразами он почувствовал, что закатился со всеми потрохами к ней в корзину этакой картофелиной с синими глазками. Тайны и запреты в отношениях между полами стремительно отлетели неизвестно куда, и дистанции между ними уже не было. За словами шоферицы просматривалось нечто, имеющее отношение к тому, что его сейчас занимало, и в душе зародились сомнение и страх. Он настороженно посмотрел на нее. Рот у нее чуть скривился. От этого стало не по себе. Ведь только что она казалась женщиной смелой и решительной, неординарной. Но этот искривленный в бесцеремонной ухмылке рот его расстроил. Стало ясно, что человек она никчемный и недалекий и вообще не стоит душевных затрат.

– А ты что, ребенка ждешь? – выпалил он.

Все переходные формы общения она уже отбросила, словно недоваренные, и чуть ли не бесстыдным тоном заявила:

– Солончак я, вот беда.

«Ты следовательно опытный, – мелькнуло в голове, – на тебя возложена большая ответственность, но на женщине от-

ветственность куда большая». Вдруг вспомнилось, как, бывало, потешались над ним коллеги: «Дин Гоуэр одной елдой любое дело раскроет». Так и подмывало дать себе волю. Он вытащил из кармана фляжку с вином, отвинтил пробку, хлебнул и передал шоферице.

– Ну, по вопросам сельского хозяйства я спец, – подыграл он. – Особенно по мелиорации.

Та с силой нажала на клаксон, но раздался лишь слабый, приглушенный сигнал.

– Мамаше своей на титьку надави! – сердито буркнул водитель, выскочивший из кабины грузовика перед ними.

Она взяла фляжку, понюхала, словно определяя качество, потом задрала голову и с бульканьем осушила. Дин Гоуэр хотел было похвалить ее, но потом подумал, что хвалить за умение пить в Цзюго² – почти бессмыслица, и промолчал. Он вытер рот и, впившись взглядом в ее пухлые, мокрые от вина, пунцово-красные губы, без обиняков заявил:

– Дай-ка я тебя поцелую.

Она вдруг залилась краской и взвизгнула, будто в перепалке:

– Я тебе поцелую, мать твою!

Ошарашенный Дин Гоуэр быстро огляделся: водитель другого грузовика уже снова забрался в кабину, и на них никто не обратил внимания. Впереди извивалась целая колонна машин; сзади пристроился запряженный в повозку осел,

---

² Цзюго – досл. «страна вина».

за ним – грузовик с прицепом. На плоском лбу осла язычком пламени во мраке ночи алела новенькая красная бахрома. По обеим сторонам дороги тянулись канавы, среди разросшейся травы поднимались невысокие уродливые деревья с больными стволами. И листья, и трава – в черной пыли. Стояла поздняя осень; за канавами простирались поля, где под налетавшим ветром в торжественном молчании торчала желто-серая стерня. Ни радости, ни печали. Вокруг раскинулся край шахт, высились окутанные желтоватой дымкой терриконы. У шахтного ствола беззвучно и безостановочно вращается лебедка, загадочно и странно. Ее видно лишь наполовину, остальное закрывает грузовик.

Шоферица продолжала выкрикивать: «Я тебе поцелую, мать твою», но с места не двинулась. Своими криками она нагнала немало страху, но Дин Гоуэр, рассмеявшись, чуть коснулся ее груди указательным пальцем – и будто нажал на кнопку старта: она навалилась на него всем телом, схватила за голову холодными как лед руками и потянулась к нему губами. Холодными, мягкими и – странное дело – совсем не упругими, словно старая вата. Разочарованный, он потерял к ней всякий интерес и оттолкнул. Но этот разъяренный тигренок набрасывался на него снова и снова, бормоча:

– Едрить твою налево, так тебя и этак...

Суматошно размахивая руками и ногами, он отбивался как мог. Угмонить ее удалось, лишь прибегнув к приему, каким утихомиривают преступников.

Оба тяжело дышали. Дин Гоуэр крепко держал ее запястья, беспрестанно пресекая попытки к сопротивлению. Она что было сил старалась вырваться, извиваясь всем телом, словно пружина, издавая при этом мычание, как упирающаяся телочка, и его снова разобрал смех.

– Чего смеешься? – вдруг заговорила она.

Отпустив ее руки, Дин Гоуэр достал из кармана визитку:

– Пойду я, барышня. Вспомнишь про меня – ищи по этому адресу!

Она смерила его взглядом, опустила глаза на визитку, как пограничник на паспорт туриста, потом снова уставилась на него.

Дин Гоуэр потрепал ее за нос, сунул под мышку кожаную папку и взялся за ручку дверцы:

– Пока, дочурка. А удобрение у меня первоклассное, как раз для солончаков.

Он уже наполовину вылез из машины, когда она ухватила его за край одежды. Смотрела она как-то растерянно, и он вдруг понял, что она еще совсем девчонка, не замужем и вообще не была с мужчиной, милая такая и жалкая. Он погладил ее по руке и сказал вполне искренне:

– Я тебе в отцы гожусь, дорогуша.

– Обманщик! – сердито фыркнула она. – А говорил – до станции техобслуживания.

– Так почти приехали, – улыбнулся он.

– Шпион!

– Хоть бы и так.

– Знала бы, что шпион, не взяла бы!

Дин Гоуэр нашарил пачку сигарет и бросил ей:

– Ладно, не сердись.

Она швырнула его фляжку в канаву:

– Тоже мне мужик – не фляжка, а одно название.

Дин Гоуэр спрыгнул на обочину, захлопнул дверцу и зашагал вперед.

– Эй ты, шпион! – донесся сзади ее голос. – Часом не знаешь, что там за беда на дороге?

Обернувшись, Дин Гоуэр увидел, что она высунулась из окошка, усмехнулся, но ничего не ответил.

Похожее на цветок хмеля лицо шоферицы задержалось в памяти Дин Гоуэра лишь на минуту, а потом лопнуло, как пузырьки пивной пены на прозрачных стенках стакана, и исчезло. Дорога в угледобывающий район, грязная и узкая, извивалась тонкой кишкой. Грузовики, тракторы, гужевые повозки, запряженные волами телеги – весь этот транспорт самого разного вида и цвета походил на диковинного зверя, кусающего свой хвост. У одних машин фары были погашены, у других – нет. Выхлопные трубы – впереди на капотах тракторов и позади внизу у автомобилей – изрыгали клубы синеватого дыма. Непрогоревший бензин и солярка вкупе с вонью от животных висели над дорогой удушающим облаком. Следовательно двигался вперед, к шахте, то протиски-

ваясь вплотную к машинам, то задевая плечом зарубки на стволах невысоких деревьев. Почти все водители, сидевшие в кабинах, и возницы, стоявшие опершись на оглобли, выпивали. Очевидно, запрет пить за рулем здесь не работает. «Сколько еще так пробираться?» Он яростно вскинул голову: в центральной части горной выработки виднелись две трети высоченного каркаса подъемника. По колесу скользил серебристо-серый стальной трос, а сам подъемник – то ли из-за ржавчины, то ли из-за краски – казался в солнечном свете темно-красным и замызганным. Сурово смотрелся огромный черный блок, а безостановочно ползущий трос отбрасывал не слепящие, но пугающие серебристые блики и походил на ядовитую змею. Впечатление от цвета и блеска дополнял скрежет вращающегося блока, визг вытягиваемого стального троса и глухие подземные взрывы.

Овальная площадь возле шахты тоже забита машинами и повозками, пагоды сосенок по краям в угольной пыли. Грязный с головы до ног осел, уткнувшийся мордой в сосновую хвою – то ли пощипать хвои, то ли почесаться, – вдруг громко чихнул. У одной из повозок собралось несколько человек. Черные от загара лица, повязки на головах, потрепанная одежда, веревки вместо поясов. Запряженная в повозку лошадь жевала сено из плоской плетеной корзины, а возницы выпивали. По кругу ходила большая темно-фиолетовая бутыл, и каждый прикладывался к ней с нескрываемым удовольствием. Все по очереди с хрустом откусывали от лежав-

шей на постромках большой белой редьки. Смачно прожевав, подходили снова, чтобы с таким же хрустом откусить еще. Умением всех перепить Дин Гоуэр не отличался, но выпить любил, в винах более или менее разбирался и по стоявшему в воздухе ядреному духу понял, что напиток в этой бутылке далеко не изысканный. Специфический запах водочного перегара с редькой был, пожалуй, похлеще вони испускаемых газов. Одежда выпивох и то, что они пили и ели, выдавали в них крестьян из окрестностей Цзюго. Когда следовательно проходил мимо, один хрипло гаркнул:

– Сколько на твоих, товарищ?

Глянув на часы, Дин Гоуэр ответил. На лице молодого крестьянского парня с красными глазами и рыжеватой щетиной было такое свирепое выражение, что сердце сжалось, и он ускорил шаг.

– Пускай ворота скорее открывают, свиньи. Зажрались совсем, – бросил вслед крестьянин.

От такой злобы стало не по себе, но следовало признать, что основания для этого были. Четверть одиннадцатого, а железные решетчатые ворота шахты по-прежнему заперты на здоровенный замок, похожий на черный панцирь большой черепахи. На самих воротах приварено восемь круглых стальных листов. Начертанные на них красным лаком большие иероглифы – «Соблюдайте безопасность на производстве» и «С праздником Первое мая!» – давно выцвели. В чарующем свете осеннего дня многое выступало по-новому, и

на фоне черноты шахты голубизна неба казалась еще пронзительнее. То поднимаясь, то опускаясь вместе с рельефом местности, вокруг территории извивался серый кирпичный забор чуть выше человеческого роста. Калитка в створке ворот приоткрыта, за ней лениво развалился огромный рыжий пес, а над головой у него осенним листком порхает полуживая бабочка.

Когда Дин Гоуэр попытался отворить калитку, пес яростно рванулся к нему, едва не ткнувшись покрытым каплями пота носом в тыльную сторону ладони. Вернее, собачий нос коснулся ладони, потому что следователь ощутил, какой он прохладный; по цвету он напоминал лиловую каракатицу или кожуру личжи³. Но оголтелая агрессивность пса тут же сменилась испугом. Он отскочил в тень у проходной, забился в увядшие заросли софоры и с воем затряс прямоугольной головой.

Дин Гоуэр отодвинул щеколду, толкнул калитку, постоял, касаясь спиной прохладного железа, и вошел, озадаченно глядя на перепуганного пса. Перевел глаза на руку: торчащие костяшки, черные жилы; алкоголь в крови есть, но ни электричества, ни чего-то особенного. «Что же ты ткнулся в меня и убежал?» – хотелось спросить у этой псины.

В воздухе расплескалась горячая вода из тазика для умывания. Разноцветный и пестрый водопад. Этакая радуга, ко-

---

³ *Личжи* – тропическое растение с небольшими плодами, кожура которых покрыта многочисленными бугорками.

торой не захотелось оставаться в одиночестве. Пена и солнце. Надежда. С минуту по шее текла вода, потом налетел ветерок и разлилась прохлада. Вскоре глаза отяжелели, рот наполнился чем-то соленым с привкусом дешевой парфюмерии. Тут и запах давно не мытого лица, и сморщенная духовная субстанция. В этот миг шоферица в кабине напрочь стерлась из памяти следователя. Исчезли губы, похожие на старую вату. Исчезла чувствительная, как электрический выключатель, грудь. Но потом женщина с его визиткой в руках всплыла в сознании четко и напряженно, словно пейзаж с далекими горами в тумане. «Сучье отродье!»

– Жить, что ли, надоело, сучье отродье? – зло топнул ногой стоящий перед ним вахтер с тазиком в руках.

Дин Гоуэр понял, что это адресовано ему. Он стряхнул с головы капли воды, вытер грязным носовым платком шею, отхаркнулся и сплюнул. Поморгал глазами, чтобы выйти из этого затруднительного положения, принял свой обычный вид и проницательным взглядом в упор уставился на вахтера. Разные по величине, черные как уголь, бесстыжие, тупые глаза, круглый красный нос, смахивающий на плод боярышника, синие губы и упрямо сжатые зубы. Извиваясь, словно змея или червяк, все тело пронизала жаркая волна. Вспыхнула ярость, ее пламя разгоралось все сильнее, черепная коробка раскалилась добела, как древесный уголь в печке, как молния, и грудь закипела отвагой.

Жесткие черные патлы вахтера торчали во все стороны,

как у собаки. Было заметно, что своим видом Дин Гоуэр нагнал на него страху. Волосы из ноздрей походили на хвост ласточки. «Это зловредная черная ласточка засела у него там, — мелькнуло в голове. — Свила гнездо, снесла яйца, высидела птенцов». Он прицелился в эту ласточку и нажал на курок. И еще раз. И еще.

Звуки выстрелов, ясные и звонкие, разорвали тишину у ворот шахты. Они заглушили лай большого рыжего пса и привлекли внимание крестьян. Из кабин повыскакивали водители, уже навеселе. Мягкие губы осла поранились о твердые сосновые иголки. Запряженный в повозку буйвол поднял тяжелую голову и перестал жевать свою жвачку. Все сперва замерли, а потом толпой повалили к месту происшествия. В десять тридцать пять вахтер проходной шахты Люшань рухнул на землю, обхватив голову руками. Из рта выступила белая пена, тело содрогалось в конвульсиях.

С ухмылкой на лице и сверкающим пистолетом в руке Дин Гоуэр стоял, стройный, как гималайский кедр. Его обволакивал вьющийся из дула синеватый дымок.

Толпа ошеломленно смотрела, ухватившись за прутья ворот. Казалось, прошло очень много времени, прежде чем раздался визгливый вопль:

– Убили... Вахтера Лао Люя убили!

Дин Гоуэр, этот иссиня-черный гималайский кедр, язвительно усмехнулся:

- Столько зла натворил этот старый пес, что и не счесть.
- В Кулинарную академию его продать, в отдел спецкулинарии!
- Так ведь не проварится, пес старый.
- В спецкулинарии нужны беленькие, нежные мальчики, на кой им это старье!
- В зоопарк его, волков кормить!
- Такому корму и волки не обрадуются.
- Ну тогда на опытный участок для особых видов растений, пусть на удобрения переработают!

Дин Гоуэр подкинул пистолет в воздух. Блестящая поверхность сверкнула серебряным зеркалом. Поймав пистолет, он показал его на ладони стоявшим за воротами. Маленький, изящный, с красивыми линиями, похожий на револьвер.

– Без паники, друзья, – усмехнулся он. – Это же детская игрушка!

Нажав на кнопку, он разложил корпус надвое, вытащил небольшой темно-красный диск из твердого пластика и продемонстрировал собравшимся.

– Каждый зубчик прижимает пороховой заряд в бумажной оболочке величиной с соевый боб, – показывал он. – Нажимаешь на курок – диск поворачивается, раздается звук выстрела. Эту игрушку можно в театре использовать как бутафорский реквизит, на спортивных состязаниях в качестве стартового пистолета. Такие в любом универмаге продают-

ся. – С этими словами он сунул в желобок барабана пороховой заряд и, собрав пистолет, нажал на курок – бабах!

– Вот так, – объяснял он, как заправский продавец. – Не верите – смотрите. – И, подведя дуло к своему рукаву, снова нажал курок.

– Ван Ляньцзуй! – воскликнул один из водителей. Наверное, он когда-то смотрел «образцовую пьесу» «Красный фонарь»⁴.

– Да не настоящий это пистолет! – Дин Гоуэр поднял руку. – Гляньте, будь он настоящий, ведь насквозь пробило бы, верно? – В солнечном свете на рукаве виднелся желтоватый кружок, от него резко пахло порохом.

Следователь сунул пистолет в карман, подошел к распростертому на земле вахтеру и пнул его:

– Поднимайся, приятель, нечего покойника изображать.

По-прежнему держась за голову, вахтер встал. Лицо у него было нездорового желтого цвета, как у хорошо приготовленного няньгао⁵.

– На кой ляд мне убивать тебя, припугнул, и всё, – продолжал Дин Гоуэр. – Ни к чему злоупотреблять властью. Уже одиннадцатый час, давно пора ворота открыть!

Опустив руки, вахтер поднес их к лицу и стал рассмат-

---

⁴ «Красный фонарь» – одна из восьми «образцовых пьес», разрешенных к постановке в китайских театрах во время «культурной революции». Ван Ляньцзуй – персонаж этой пьесы, предатель.

⁵ Няньгао – пирожок из клейкого риса, традиционное новогоднее лакомство.

ривать. Потом снова, словно не веря, потрогал голову, еще раз посмотрел на руки. Крови не было. Убедившись, что живой, он испустил долгий вздох и все еще испуганным голо- сом осведомился:

– А ты-то, ты что здесь делаешь?

Дин Гоуэр хитро усмехнулся:

– Я – новый директор шахты, из города прислали!

Вахтер метнулся в будку. Вернувшись с большим блестящим ключом в руках, он отпер невообразимо огромный замок и с лязгом открыл ворота. Народ радостно загудел, все разбежались по машинам, и через несколько минут улица наполнилась ревом моторов.

Медленным, неудержимым потоком машины вплотную, одна за другой с лязгом въезжали в ворота: этакая большая и омерзительная многоногая гусеница. Дин Гоуэр шарахнулся в сторону: внутри вдруг зародилось необъяснимое возмущение. Потом конвульсивно сжалась прямая кишка, безудержно запульсировала кровь, накатила боль, и он понял, что это обострение геморроя. «Опять, как раньше, расследование с болями и кровавым стулом». Но возмущения в душе заметно поубавилось. Всего не избежать. Беспорядок неизбежен, как неизбежен и геморрой, есть лишь предвечное присутствие сокровенной сути божественного. В чем проявится эта сокровенная суть на сей раз?

Вахтер беспрестанно кланялся, на его лице не умещалась абсолютно неестественная улыбка:

– Прошу, уважаемый руководитель, пройдите в дежурку, там хоть есть где присесть.

По привычке менять отношение по ситуации Дин Гоуэр последовал за вахтером.

Просторная комната. Кровать. Черное одеяло. Два металлических термоса. Огромная печь-буржуйка. Куча больших, с собачью голову, кусков антрацита. С висевшей на стене новогодней лубочной картинки в беззвучном смехе раскрывает рот голенький розовощекий малыш с персиком долготы в руках. Чуть ли не шевельнулась симпатичная, похожая на розовую личинку шелкопряда пиписька – ну как живой. Сердце защемило, и кишка опять конвульсивно сжалась.

В помещении было невыносимо жарко. В печке гудел огонь, от бушующего пламени половина дымохода и весь корпус раскалились докрасна. Под потоками горячего воздуха тихо покачивалась паутина в углу. Тело тут же зачесалось, и засвербило в носу.

– Холодно, товарищ директор? – угодливо глянул на него вахтер.

– Просто жуть! – раздраженно буркнул Дин Гоуэр.

– Не беспокойтесь, сейчас подкинем доброго уголька...

Нагнувшись, вахтер вытащил из-под кровати острый топорик с коричневато-красным топорщищем. Рука следовательно произвольно потянулась к поясу: там был спрятан настоящий пистолет. Вахтер, сгорбившись, подошел к печке, опустил на корточки и приподнял глыбу угля величиной с

подушку. Придерживая ее одной рукой, взмахнул топором – рраз! – и она развалилась. Аккуратный разлом сверкал, словно края его были покрыты ртутью. Раз, раз, раз – и глыба разлетелась на мелкие кусочки. Он открыл дверцу, и оттуда с шуршанием, как от порыва ветра, вылетели раскаленные искры. Обливаясь потом, следователь наблюдал, как вахтер забрасывает уголь в топку.

– Сейчас разгорится, – проговорил тот, словно извиняясь. – Уголь у нас мягкий, сгорает быстро, надо постоянно подбрасывать.

Дин Гоуэр расстегнул воротник и вытер бейсболкой пот со лба:

– Что же вы в сентябре печку топите?

– Холодно, товарищ директор, холодно... – Голос вахтера дрожал. – Холодно... А угля много, вон, целая гора...

Высохшее лицо напоминало пережаренную пампушку, и Дин Гоуэру расхотелось запугивать его.

– Никакой я не директор, – заявил он. – По делам приехал. Так что топи смело!

Малыш на стене заливался смехом, как живой. Прищурившись, Дин Гоуэр вглядывался в прелестного ребенка. Мгновенно изменившийся в лице вахтер взялся за топорик:

– За директора себя выдаешь, в людей из пистолета палишь... А ну пошли, сейчас тебя в отдел охраны доставлю.

– А если я на самом деле новый директор, что тогда? – усмехнулся Дин Гоуэр.

Озадаченный вахтер несколько раз делано хихикнул, сунул топорик обратно под кровать и заодно извлек оттуда бутылку вина. Вытащив щербатыми зубами пробку, хорошенько приложился сам, а потом угодливо передал бутылку Дин Гоуэру. В вине плавал бледно-желтый корень женьшеня и семь черных скорпионов с длинными клешнями без шипов.

– Выпейте, товарищ директор, – заискивающе предложил он, – это вино шибко полезное!

Дин Гоуэр принял у него бутылку и взболтал. Скорпионы закружились среди отростков женьшеня, а изнутри пахло чем-то странным. Коснувшись горлышка одними губами, он вернул бутылку вахтеру.

Тот явно не знал, как быть, и смерил Дин Гоуэра взглядом:

– Не будете?

– Не могу.

– Видать, не местный?

Дин Гоуэр указал на новогоднюю картинку на стене:

– Какой беленький и нежный малыш, а, старина?

Он внимательно следил за выражением лица вахтера. Тот уныло отхлебнул еще глоток и невнятно пробормотал:

– Подумаешь, спалил чуток угля... Он и стоит-то смешные деньги за тысячу цзиней⁶.

Жара становилась невыносимой, и Дин Гоуэр, с сожалением бросив взгляд на малыша на стене, открыл дверь и устремился на солнечный свет. Там ждала приятная прохлада, и

---

⁶ Цзинь – мера веса, около 0,5 кг.

он почувствовал себя намного лучше.

Родился Дин Гоуэр в тысяча девятьсот сорок первом. В шестьдесят пятом женился, жизнь после женитьбы текла ровно, отношения с женой были ни то ни се, один ребенок, славный такой мальчуган. Была и любовница. Иногда милая, а порой просто жуть. То яркое солнце, то ровный свет луны. То прелестная кошечка, то сучка бешеная. То прекрасное вино, то горькое лекарство. С женой он не раз развестись собирался, но передумывал. И с любовницей такая же история: то восплает любовью, то охладет. Когда болел, всякий раз воображал, что это рак, и боялся этой болезни, как рака. Страстно любил жизнь, но она уже порядком обрыдла. Вот и метался от одного к другому, не в силах на чем-то остановиться. Бывало, и дуло пистолета приставлял к виску, но опускал. Частенько такой спектакль устраивал, направляя пистолет в грудь и в сердце. Единственной радостью в жизни оставалось расследование дел, и это никогда не надоедало. В прокуратуре он считался самым способным следователем, которого можно ставить на самые разные дела; хорошо его знал и кое-кто из высокого начальства. Рост метр семьдесят пять, худощавый, смуглый, глаза чуть навывкате. Заядлый курильщик, не прочь выпить, но быстро пьянел. Зубы неровные. Отчасти владел техникой задержания. Стрелял нестабильно: под настроение мог положить пули без промаха, а будучи не в духе – мазал. Был немного суеверен, верил в уда-

чу. И фортуна нередко жаловала его.

Прошло совсем немного времени с того полудня, когда начальник прокуратуры бросил ему сигарету «чжунхуа»⁷ и вытащил одну себе. Щелкнув зажигалкой, Дин Гоуэр дал прикурить вышестоящему, потом прикурил сам. Сигаретный дым таял во рту, как халва, душистый и сладкий. Неумело попыхивал сигаретой и начальник. «Не умеет старик курить, а хорошие сигареты в столе не переводятся». Начальник выдвинул ящик, достал какой-то конверт, глянул на него пару раз и передал Дин Гоуэру.

Это было изболбичительное письмо, написанное диковинным и странным почерком, похоже левой рукой. Дин Гоуэр быстро пробежал его. «Подпись – Миньшэн⁸. Ясное дело – псевдоним». Содержание письма сначала ошарашило, потом заставило усомниться. Он снова бегло просмотрел текст. И еще раз прочитал указания начальника, написанные на полях знакомым размашистым почерком.

Когда он поднял на него глаза, тот смотрел на цветущий жасмин на подоконнике. От белых цветков исходил слабый аромат.

– Этого не может быть, – произнес Дин Гоуэр. Он словно говорил сам с собой. – Как они посмели! Подумать только – готовить блюда из младенцев и поедать их!

– Секретарь Ван рекомендовал направить на расследова-

---

⁷ «Чжунхуа» – марка дорогих сигарет.

⁸ Миньшэн – досл. «глас народа».

ние именно тебя, – с притворной теплотой хмыкнул начальник.

В душе Дин Гоуэр порадовался, а на словах заметил:

– С какой стати такими делами должны заниматься мы, прокуратура? А в министерстве общественной безопасности спят, что ли?

– Ну кто ж виноват, что у меня здесь работает знаменитый Дин Гоуэр! – осклабился начальник.

– Когда можно приступить? – чуть смутился следователь.

– Смотри сам. Ты как – развелся, нет? Чтобы не развестись, тоже мужество нужно иметь. Мы, конечно, надеемся, что это письмо – безосновательная клевета. Всё держать в абсолютной тайне. Разрешается применение любых методов, но в рамках закона.

– Я могу идти? – поднялся Дин Гоуэр.

Начальник тоже встал, достал нераспечатанную пачку «чжунхуа» и подвинул через стол.

Дин Гоуэр взял пачку и направился к двери. Забежал в лифт. Вышел на улицу. Он собрался в школу – повидать сына. Перед ним простирался знаменитый проспект Победы. В обоих направлениях мчались вереницы машин, даже прощмыгнуть негде. Пришлось ждать. На другой стороне, чуть левее, проспект стала переходить группа детей из детского сада. Лица обращены к солнцу, как головы подсолнухов, на них играют его лучи. Он безотчетно зашагал вдоль проезжей части, чтобы подойти к детям поближе. Рядом, едва не каса-

ясь его, угрями проскальзывали велосипедисты. Под ярким солнцем лиц не видно – одни неясные белые тени. Дети все нарядные, светлые, пухлые личики, милые смеющиеся глазенки. Все на толстом красном шнуре, как рыбки на кукане, будто прикрученные к ветке крупные, сочные плоды. Среди автомобильных выхлопов, под ослепительно-яркими, как антрацит, лучами солнца они походили на большую связку хорошо прожаренных птичек с аппетитной ароматной приправой. Дети – будущее нашей родины, цветы жизни, самое дорогое. Кто посмеет задавить их? Машины замедляли ход, взвизгивали тормозами и останавливались. В голове и в хвосте группы шагали две женщины в белых халатах. Лица округлые, как полная луна; красные, как киноварь, губы, острые белоснежные зубы – похожие на сестер-двойняшек, они держали каждая свой конец шнура и громко, бесцеремонно покрикивали:

– Крепко держимся за шнур! Руки не отпускаем!

Пока Дин Гоуэр стоял на краю тротуара под деревом с пожелтевшей листвой, дети благополучно пересекли проспект. Волна за волной поток машин устремился дальше. Возле него строй детей смешался, и они загалдели, как стайка воробьев. Кусок красной материи на запястье у каждого был привязан к красному шнур, и они оставались на нем, хоть и смешавшись. Стоило воспитательницам потянуть за концы, как все тут же выровнялись. Он вспомнил, как те только что командовали: «Крепко держимся за шнур! Руки не отпуска-

ем!» – и возмутился про себя: «Ерунда какая-то! Как тут отпустишь руки, если ты привязан?»

Прислонившись к дереву, он строгим голосом обратился к воспитательнице, державшей передний конец шнура:

– Зачем вы их привязываете?

Та мрачно зыркнула на него:

– А ты кто такой?

– Не ваше дело, кто я такой. Ответьте, пожалуйста, на вопрос: зачем нужно связывать детей вместе?

– Ненормальный! – свысока бросила воспитательница.

– Не-нор-маль-ный! – глядя на него, хором подхватили дети.

Каждый слог они тянули очень долго: кто знает, то ли у них это так получалось, то ли их так научили. Звонкие детские голоса, наивные и нежные, такие приятные – что на свете больше ласкает слух? – взлетели над улицей шустрой птичьей стайкой. Дети зашагали дальше. Он глупо улыбнулся воспитательнице, держащей задний конец шнура, но та отвернулась и даже не взглянула на него. Он провожал детей глазами, пока они не скрылись в одном из старинных переулков – хутунов, где по обе стороны возвышались покрытые красным лаком стены.

Когда все же удалось пересечь проспект, какой-то синьцзянец⁹ стал предлагать ему – ну и забавный у него акцент! –

---

⁹ *Синьцзян* – северо-западный автономный район КНР, зона компактного проживания тюркских национальных меньшинств (уйгуров, казахов и др.).

шашлык из баранины. Дин Гоуэр отказался. Несколько шашлыков тут же купила девица с очень длинной шеей и ярко-красными, как перец, напomaженными губами. Она обваляла шашлыки с пузырящимся на них маслом в коробке с перцем и стала есть, чудно выгибая губы, — видно, боялась смазать помаду. Горло обожгло словно огнем, он отвернулся и пошел прочь.

Потом он стоял у входа в школу, ждал сына и курил. Тот выбежал из ворот с ранцем за плечами и даже не заметил его. Лицо все в потеках от чернил, сразу видно — школьник. Следователь окликнул его. Сын пошел с ним без особого энтузиазма. Когда Дин Гоуэр сообщил, что уезжает по делам в Цзюго, сын бросил:

— А мне-то что.

— Что значит «мне-то что»?

— «Мне-то что» и «мне-то что», — ответил сын. — Что еще это может значить?

— «Мне-то что». Действительно, «мне-то что», — повторил он слова сына.

В отделе безопасности Дин Гоуэра встретил бритоголовый детина. Открыв высоченный, под самый потолок, большой шкаф, он налил следователю стакан вина. В комнате тоже топила печь: не так жарко, как в дежурке вахтера, но все равно очень тепло. Дин Гоуэр предпочел бы мороженое, но бритоголовый знай совал ему вино:

– Выпей! Выпьешь и посогреешься.

Видно было, что предлагает от души, и Дин Гоуэр не решился отказать, принял стакан и стал прихлебывать из него.

Окна и двери наглухо закрыты, ни единой щелочки: с герметизацией все в порядке. Тело чесалось, со лба скатывались капли пота.

– Не переживайте: коли на душе спокойно, оно и попрохладнее, – донесся дружелюбный голос бритоголового.

В ухе жужжало. «Пчела, – мелькнула мысль. – Мед. Варенные в меду младенцы. Задание очень ответственное, спустя рукава подходить нельзя». Вроде слегка задрожало оконное стекло. За окном медленно и беззвучно проплывали огромные механизмы. «Чувствуешь себя словно рыбка в аквариуме. И техника эта вся какая-то желтая. От желтого цвета кружится голова и хочется напиться». Он силился услышать грохот этих машин, но напрасно.

– Я хочу видеть директора шахты и секретаря парторганизации, – услышал он свой голос.

– Да вы пейте, пейте, – угощал бритоголовый.

Тронутый его заботой, Дин Гоуэр поднял стакан и осушил одним глотком.

Не успел он поставить его, как охранник наполнил стакан снова.

– Всё, не буду больше, веди к директору и партсекретарю.

– Не волнуйтесь, начальник, пейте, стаканчик опрокинете – и пойдем. А то получается, что не выполняю свои обя-

занности. Доброе дело не грех и повторить. Давайте еще один.

Глянув на «стаканчик» размером с кулак, Дин Гоуэр засомневался в душе, но что не сделаешь ради работы, и он без промедления выпил.

Стоило поставить стакан, как бритоголовый налил опять, приговаривая:

– Вы не подумайте, начальник, что заставляю, но так уж у нас на шахте заведено: «Три раза не поднесешь – на своем месте не усидишь!»

– Да не могу я пить столько! – взмолился Дин Гоуэр. – Всё, ни капли больше!

Взяв стакан обеими руками, бритоголовый чуть не плача поднес его ко рту Гоуэра:

– Умоляю, начальник, выпейте, а то ведь не усидеть мне на месте.

Его искренность растопила решимость Дин Гоуэра. Он принял стакан и осушил.

– Вот спасибо так спасибо, – растрогался бритоголовый. – Еще пару-тройку стаканчиков?

– Нет-нет, не пойдет, – прикрыл стакан ладонью Дин Гоуэр. – Быстро води к начальству!

Вахтер поднял руку и глянул на часы:

– Сейчас для встреч с ними рановато.

– Дело срочное, – строго сказал Дин Гоуэр, помахав удостоверением. – Так что ты мне препятствий не чини.

– Пойдем! – поколебавшись, кивнул бритоголовый.

Дин Гоуэр последовал за ним в бесконечный коридор. Множество помещений, деревянные таблички с именами на дверях.

– Секретарь парткома и директор разве не здесь же работают?

– За мной идите. Вы у меня три стакана выпили, что же я – буду заставлять вас бегать понапрасну? Вот не выпей вы их, передал бы секретарше в кабинете парторга, и все дела.

В тусклом стекле на выходе следователь увидел собственное лицо и невольно вздрогнул: серое от усталости, оно показалось незнакомым. Когда он выходил, скрипнувшая дверь спружинила и хлопнула его по задку. Он пошатнулся и чуть не упал, но, к счастью, бритоголовый протянул руку и подхватил его. От красоты слепящего солнечного света закружилась голова и потемнело в глазах, ноги стали ватными, в ушах зазвенело.

– Похоже, я немного пьян? – обратился он к спутнику.

– Какое пьян, начальник! – замахал тот руками. – Такой видный человек, как можно! У нас тут ежели кто напьется, так не из интеллигентных, не из культурных. Те, что «белый снег солнечной весной»¹⁰, не напиваются. Вы ведь из таких – значит, не пьян.

Систематичность, логичность и продуманность этих слов убеждали. Вслед за бритоголовым Дин Гоуэр вышел на пло-

---

¹⁰ *Белый снег солнечной весной* – образное название литературы для избранных.

щадку, заваленную горами круглого леса. Бревна разнились и по толщине – и под два метра в диаметре, и по два цуня¹¹, – и по породе: тут тебе и сосна, и береза, и дуб, и гевея, и вяз. Встречались такие названия, что и не выговоришь. В ботанике он был не силен: эти знал, и то ладно. Кора на бревнах потрескалась и подгнила, пахло спиртом; из щелей торчала пожелтевшая и увядшая трава. Лениво порхала белая бабочка. Между бревен как пьяные метались несколько черных ласточек. Следовательно остановился перед большущим дубом, но до верхней кромки бревна не дотянулся. Он легонько постучал кулаком по темно-красным годовым кольцам, и на коже остались капли сока.

– Богатырь, а не дерево! – вздохнул он.

– В прошлом году один частник-винодел – виноградное вино производит – предлагал за него три тысячи юаней, – подхватил бритоголовый. – Так мы не продали.

– А зачем оно ему?

– На бочки! От вина, если оно не в дубовых бочках, высокого качества не жди.

– Надо было продать ему, и всё. Ну никак не стоит оно трех тысяч!

– Мы индивидуальные хозяйства на дух не переносим! – взвился бритоголовый. – Пусть лучше сгниет, а поддерживать их не будем.

В душе Дин Гоуэр пришел в восторг от коллективистского

---

¹¹ Цунь – мера длины, около 0,32 м.

настрою на шахте Лошань.

За бревнами две собаки, уморительно пошатываясь, бежали друг за другом, будто вдрызг пьяные. Здоровенный кобель, вроде тот, что был на проходной. А присмотреться – вроде и не он.

Так они обходили бревно за бревном и углублялись все дальше, будто на вырубке в девственном лесу. В обширной и густой тени дубов росло множество красивых грибов, от покрывающих землю слой за слоем гниющих листьев и желудей разносился пленительный спиртной дух. Один большой, пестрящий разноцветными красками ствол усыпали проросшие желуди, смахивающие на младенцев. Все розовенькие, с отчетливо выраженными носами и глазами и тщательно прорисованными прожилками на коже. К тому же все мальчики с прелестными крохотными писюльками, похожими на орешки арахиса. Тряхнув головой, Дин Гоуэр собрался с духом. В мозгу тяжело осели таинственные, пугающие представления об этом архиважном и дьявольски запутанном деле. Он отругал себя за то, что потратил столько времени там, где в этом не было нужды, но, поразмыслив, решил: «Задание получено лишь двадцать с лишним часов назад, а я уже понял, куда двигаться в этом лабиринте, и это, как ни крути, показатель высокой эффективности». И терпеливо зашагал за бритоголовым. «Посмотрим, куда он меня, в конце концов, заведет».

Когда они обогнули еще одну березовую лесину, впере-

ди открылось целое поле подсолнухов: обращенные к солнцу головы золотистыми пятнами расплывались на темной зелени покрытых пушком стеблей. Следовательно вдыхал особый, сладковато-пьянящий дух березы и наслаждался осенним пейзажем. Белоснежная кора березы еще не высохла, гладкая, блестящая и нежная. Ствол продолжал расти: более свежая кора проглядывала сквозь трещины. На стволе устроился фиолетово-красный сверчок: большой, толстый – так и хочется поймать.

– Вон там, где подсолнухи, в домиках с красной крышей, партсекретарь с директором и обретаются. – В голосе охранника прорывалось радостное возбуждение.

Комнат в домах, похоже, не меньше десятка. Красная черепица резко выделяется на фоне густо разросшихся подсолнухов: стебли толстые, листья широкие – видать, жидкого навоза не пожалели. Под морем солнечного света их желтизна отливала особым блеском. Восхитительный вид захватывал, по всему телу разлилось упоение, умиротворение и оцепенение, глубокое и тяжелое. Когда он стряхнул с себя эти ощущения, поводырь исчез. Дин Гоуэр попытался найти его, запрыгнув на березовый ствол – воображаемую большую лодку в бурлящем потоке. Вдали, над высоким терриконом, по-прежнему курился дымок, но не так романтично, как на рассвете. На горе угля под открытым небом черными точками копошились люди, а внизу виднелось целое скопище машин и повозок. Голоса людей и крики животных доносились

очень слабо. Он решил, что у него что-то со слухом: между ним и реальным миром будто образовалась прозрачная перегородка. У колодца шахты распростерла длинные руки, действуя неторопливо, но расчетливо та самая желтая техника. Закружилась голова, он согнулся и опустился на бревно. Его словно вертело среди бурных валов. Бритоголовый и впрямь куда-то исчез. Дин Гоуэр соскользнул с березы и направился к зарослям подсолнухов.

И невольно задумался о своем поведении. Следовательно, которого уважает высокое начальство, будто испугавшийся воды щенок, забирается на березовую лесину, чтобы оглядеться. А ведь его действия непременно станут частью расследования этого исключительно важного дела, которое, если факты подтвердятся, наверняка всколыхнет весь мир. Ну а если еще и фотографии появятся, народ точно попадает со смеху. Он понял, что все же слегка навеселе. «Нет, есть что-то вороватое в этом бритоголовом. Ненормальный, совсем ненормальный». Тут же, трепеща на ветру оперением, расправила крылья фантазия. «Кто знает, может, и он заодно с этими преступниками – пожирателями младенцев». Пробираясь меж бревнами, Дин Гоуэр уже прикинул путь к отходу: «Вывел на дорогу, где полно ловушек. Но способности мои недооценил».

Он сжал папку. В ней ощущалось нечто твердое и увесистое: там кроме документов лежал пистолет. Оружие придает смелости и уверенности. Следовательно с сожалением бро-

сил последний взгляд на березовые, дубовые и другие бревна – на своих соратников. Толстенные узорные срезы походили на мишени. Он представил, как стреляет по комлям, а ноги уже привели к опушке подсолнухового леса.

Надо же, рядом вовсю работает шахта, а тут такое укромное местечко, – значит, человеку всё по плечу. Задрав голову к подсолнухам, он шагнул вперед. Они склонялись к нему, словно улыбаясь, но в изумрудно-зеленых или светло-желтых лицах виделось лицемерие и коварство. В ушах звучал еле слышный презрительный смех. Огромные листья с шелестом трепетали на ветру. Сжимая папку со стальным другом, высоко подняв голову и выпятив грудь, он шагал к красному домику. Следователь смотрел на него, а сам ощущал исходящую от подсолнухов угрозу. Прохладную, с белыми ворсинками.

Толкнув дверь, Дин Гоуэр вошел в домик. И вот наконец после всех перипетий и впечатлений он стоит перед секретарем парткома и директором шахты. Обоим ганьбу¹² лет по пятьдесят. Круглые, как булочки, румяные лица, похожие на коричневатые «чайные» яйца¹³; наметившиеся генеральские животики. Серые френчи¹⁴ с иголки. Лица светятся при-

---

¹² *Ганьбу* – руководящие работники, партийно-чиновничья прослойка.

¹³ «*Чайные*» яйца – яйца, приготовленные с использованием чайного листа или соевого соуса.

¹⁴ Так называемые суньятсеновские френчи (по имени Сунь Ятсена, первого президента Китайской Республики) – своеобразная униформа, отличавшая руководителей работников в Китае.

ветливыми, доброжелательными улыбками старших по положению. Вполне возможно, близнецы. Оба радушно поздоровались с ним за руку. Видать, в рукопожатиях толк знают: ни слабое и ни крепкое, ни мягкое и ни твердое. Всякий раз он ощущал, как все тело пронизывает тепло, как от только что вынутого из огня печеного батата. И тут он уронил папку.

Грохнул выстрел.

Из папки вился синеватый дымок, со стены посыпались осколки. От испуга вновь ожил геморрой. Проследив траекторию пули, следователь увидел картину из смальты на сюжет «Подвигов Нечжа в Восточном море»¹⁵. У Нечжа, которого автор представил мальчуганом, беленьким и пухленьким, пуля отбила крохотную пипиську.

– Какой меткий выстрел!

– Высунулась птичка – вот ей и конец.

Напрочь смутившийся Дин Гоуэр бросился поднимать папку, вытащил пистолет и поставил на предохранитель.

– Ведь точно на предохранитель ставил! – пробормотал он, обращаясь к обоим ганьбу.

– Бывает, и добрая лошадь подкову теряет.

– Самопроизвольные выстрелы случаются сплошь и рядом.

Снисходительные увещевания директора и партсекретаря смутили следователя еще больше. От воодушевления и ге-

---

¹⁵ *Нечжа* – мифологический персонаж, мальчик-воин, герой многочисленных комиксов и мультфильмов.

роизма, с которыми он ворвался сюда, не осталось и следа. Он даже подобострастно закивал. Потом полез за удостоверением личности и рекомендательным письмом, но партсекретарь и директор замахали руками.

– Приветствуем вас, товарищ Дин Гоуэр!

– Добро пожаловать на шахту, ждем указаний по нашей работе!

Спрашивать, откуда они знают о его приезде, было неловко, и он смущенно потер нос:

– Товарищ директор, товарищ секретарь парткома, я пришел к вам на шахту по указанию товарища N, чтобы расследовать дело о поедании младенцев, – дело очень важное и строго конфиденциальное.

Секунд десять директор с партсекретарем переглядывались, а потом захлопали в ладоши и расхохотались.

– Попрошу отнестись к этому серьезно! – нахмурился Дин Гоуэр. – Цзинь Ганцзуань, нынешний заместитель начальника отдела пропаганды и агитации горкома Цзюго, – главный подозреваемый по этому делу, а ведь он с вашей шахты.

– Верно, – подтвердил то ли директор, то ли партсекретарь. – Начальник отдела Цзинь когда-то работал у нас учителем в начальной школе, товарищ очень способный и принципиальный, единственный в своем роде.

– Вот и расскажите о нем!

– Сейчас выпьем, поедим, а заодно и поговорим.

Возразить Дин Гоуэр не успел: его уже вели в банкетный

зал.

Здравствуйте, почтенный учитель Мо Янь!

Позвольте представиться: Ли Идоу¹⁶. Я кандидат наук, занимаюсь исследованиями в Академии виноделия Цзюго. Ли Идоу – мой литературный псевдоним, уж извините, что не сообщаю настоящее имя. Вы сегодня в литературных кругах человек известный (я не преувеличиваю), и Вам ли не знать, зачем мне псевдоним. Телом я в Цзюго, а душой в литературе, всецело бултыхаюсь в ее безбрежных, как океан, просторах. Вот почему мой научный руководитель, а также отец моей жены, муж моей тещи, мой тесть – «гора Тайшань»¹⁷, если высоким слогом, а если запросто, «тесть», и всё – профессор Юань Шуангюй часто выговаривает мне, что я, мол, занимаюсь не своим делом, даже подбивает дочку развестись со мной. Но мне не страшно, за литературу я «заберусь на гору ножей, промчусь через море огня», за нее «пропаду и зачахну, не жалея, что слишком широк стал халат»¹⁸. Я ему всегда отвечаю: «Что значит заниматься не своим делом? Толстой был военным, Горький работал в

---

¹⁶ *Идоу* – досл. «один доу», мера объема, ок. 10 л.

¹⁷ *Тайшань* – священная гора в пров. Шаньдун; иносказание для авторитетного человека и тестя.

¹⁸ Неточная цитата из стихотворения сунского поэта Лю Юна (987–1053).

булочной и мыл посуду, Го Можо¹⁹ учился на врача, Ван Мэн²⁰ был заместителем секретаря пекинского отделения Новодемократического союза молодежи. Разве все они не отказывались от профессии, чтобы заняться литературным творчеством?» Тесть не оставляет попыток переубедить меня, но я, по примеру Жуань Цзи²¹, лишь презрительно поглядываю на него искоса. Только не очень у меня это выходит, не получается полностью скрыть исполненный гнева взгляд. Но ведь у Лу Синя²² это тоже не получалось, верно? Однако Вы всё это знаете, что я Вам голову морочу. Это все равно что декламировать «Санызыцзин»²³ у ворот Конфуция, демонстрировать искусство владения мечом перед Гуань Юем²⁴ или рассуждать о том, как пить вино, перед Цзинь Ганцзуанем... Но, как говорится, вернемся к нашему повествованию.

---

¹⁹ Го Можо (1892–1978) – китайский писатель, поэт, историк, археолог и государственный деятель.

²⁰ Ван Мэн (род. 1934) – известный современный китайский писатель.

²¹ Жуань Цзи (210–263) – поэт, один из Семи Мудрецов Бамбуковой Рощи. Легендарный бунтарь, ниспровергатель традиционных конфуцианских устоев.

²² Лу Синь (1881–1936) – основоположник новой китайской литературы.

²³ «Санызыцзин» («Троесловие») – букварь для начинающих осваивать грамоту, написан на древнем литературном языке. В стихотворной форме кратко излагает основы конфуцианской морали. Для простоты запоминания тексты разбиты на группы по три иероглифа.

²⁴ Гуань Юй (?–219) – знаменитый полководец древности, персонаж романа «Троецарствие».

Почтенный учитель Мо Янь, я с большим вниманием ознакомился со всеми Вашими великими творениями. Преклоняюсь и падаю ниц перед Вами, испытал божественное наслаждение, душа словно покинула этот мир и попала в нирвану. Это какая-то «Нирвана феникса» Го Можо, «Мои университеты» Горького. Но более всего восхищает Ваш настрой никогда не пьянящего божества вина. Я читал Ваше эссе, где Вы пишете, что «вино и есть литература», «не может рассуждать о литературе человек, не разбирающийся в вине». От этих слов будто озарило, будто пелена с глаз упала. Вот уж действительно, «распахни сердце и ороси ведром «маотай»²⁵. Так, как я, в вине разбирается не более сотни людей на этой планете. За исключением Вас, конечно. От истории вина до его изготовления, классификации, химического состава и физических свойств – все это я знаю как свои пять пальцев, поэтому так увлекся литературой. Считаю, что и сам могу создавать литературные произведения. Ваши суждения станут для меня чаркой вина, которая придаст уверенности, как та, что подала Ли Юйхэ²⁶ его мать, тетушка Ли, перед тем как его арестовал Хатояма. Теперь, наставник Мо Янь, Вы, должно быть, понимаете, почему я написал Вам это письмо? Примите земной поклон от ученика!

Недавно посмотрел поставленный по Вашему

---

²⁵ «Маотай» – самая известная марка китайской водки.

²⁶ Ли Юйхэ – главный герой «образцовой революционной оперы» «Красный фонарь».

произведению фильм «Красный гаолян»²⁷, в работе над которым Вы тоже принимали участие. После просмотра так разволновался, что не спал почти всю ночь, пил чарку за чаркой. Учитель, я так рад за Вас, Вы – гордость нашего Цзюго! Хочу написать всем руководителям горкома и призвать их вытащить Вас из Вашего Гаоми²⁸ в северо-восточной глубинке, чтобы Вы обосновались у нас. Ждите вестей от меня, учитель.

Почтенный наставник Мо Янь, я, недостойный, не смею более разглагольствовать в первом письме к Вам. Прилагаю свой рассказ и прошу дать критические замечания и руководящие указания. Я писал его как одержимый в ту самую ночь после просмотра «Красного гаоляна», когда был не в силах заснуть. Писал под вино, водя по бумаге стремительной, как ветер, кистью. Прочтите, учитель, и если сочтете, что его можно опубликовать, искренне надеюсь на Вашу помощь в этом.

С огромным уважением и почтительными пожеланиями учителю неиссякаемого творческого вдохновения,
Ваш ученик Ли Идоу

---

²⁷ В фильме, снятом по мотивам повести Мо Яня «Красный гаолян» (1987) режиссером Чжан Имоу, главная героиня работает на винокурне, где делают вино из гаоляна, китайского сорго.

²⁸ Гаоми – уезд в провинции Шаньдун, родные места Мо Яня, место действия многих его произведений.

*Р. С. Если у Вас нехватка вина, прошу дать знать:
Ваш ученик тотчас об этом позаботится.*

Уважаемый кандидат виноведения!

Ваше письмо и произведение «Дух вина» получил, не извольте беспокоиться.

Сам я упорядоченного образования не имею, поэтому с огромным уважением и почтением отношусь к тем, кто учился в университетах, не говоря уже о кандидатах наук и таких исследователях, как Вы.

В наши дни заниматься литературой мудрый вроде бы и не станет. Представителям нашего ремесла остается лишь вздыхать о том, что большие ничего не умеют, и заниматься своим делом дальше. Некий Ли Ци написал тут одну вещь под названием «Не смейте считать меня собакой»²⁹ и описывает в ней жизнь различного сброда и хулиганья. Так вот, когда им стало не с руки губить и дурачить людей, воровать и заниматься другими проделками, они задумываются: «А не заделаться ли нам, эти его, писателями?» Ни на что не намекаю, но не мешало бы Вам найти эту книжку и прочесть.

Вы – кандидат наук, занимаетесь исследованиями в области виноделия, и я действительно страшно Вам завидую. Думаю, на Вашем месте ни за что не променял бы это ремесло ни на какую паршивую литературу.

---

²⁹ Намек на повесть современного китайского писателя Ван Шо «Не смейте считать меня человеком».

Неужели в Китае, где все вокруг пропахло винным перегаром, есть более перспективное, более практичное занятие с большим будущим, чем исследования по виноделию? Раньше говорили: «В книгах обретишь золотые чертоги, книги принесут немало мер зерна, в книгах увидишь словно выточенные из яшмы женские лица»³⁰. Но седая древность прошедших веков уже не актуальна. Слово «книги» следует заменить на «вино». Взять хоть заместителя начальника отдела Цзинь Ганцзуаня: разве не благодаря способности выпить целое море вина он стал звездой, перед которой благоговеют жители Цзюго? Ну какой, скажите на милость, писатель сравнится с вашим замначальника отдела Цзинем? Посему, почтенный собрат, призываю Вас прислушаться к словам тестя, основательно и серьезно заниматься наукой о вине, не сбиваться с пути истинного и не растрачивать впустую молодые годы.

Вы пишете, что решили стать литератором после прочтения моего эссе. Уж простите, виноват безмерно. Какое «вино и есть литература», какое «человек, не разбирающийся в вине, не может рассуждать о литературе»! Это я с похмелья несу такое, и верить этому нельзя. В противном случае мне, недостойному, воистину не стоит жить на этом свете.

---

³⁰ Слова, приписываемые императору династии Сун, который правил под девизом Чжэнь-цзун (997–1022). В 1004 г. основал в Цзиндэчжэне знаменитое производство фарфора.

Прилежно прочел Ваше произведение. С теоретической подготовкой у меня не очень, да и с оценкой прекрасного слабовато, поэтому лезть не в свое дело не хочу. Послал Ваше творение в редакцию «Гражданской литературы»³¹. Там собрались самые выдающиеся в сегодняшнем Китае литературные редакторы, и если Вы «скаун, преодолевающий тысячу ли», думаю, на Вас найдется свой Бо Лэ³².

Я здесь на нехватку вина не жалуясь, спасибо за благожелательное отношение.

Желаю здоровья и благополучия!

Мо Янь

---

³¹ «Гражданская литература» – название вымышленное, намек на престижный литературный журнал «Народная литература».

³² Бо Лэ – легендарный ценитель лошадей в Древнем Китае. Его имя стало нарицательным для знатока, умеющего распознать талант.

4. «Дух вина»

– Дорогие друзья, дорогие студенты, когда я узнал, что приглашен для чтения лекций в Академии виноделия, эта несравненная честь подобно теплому весеннему ветерку посреди февральской стужи овеяла красноту моего верного желчного пузыря, зелень кишечника и голубизну легких, а также фиолетовую, безропотно несущую всю тяжесть работы печень. В основном благодаря их особым способностям я имею возможность стоять за этой божественной кафедрой из сосны и кипариса, украшенной пластиковым разноцветьем, и читать вам лекции. Как вы знаете, поступающий в организм алкоголь по большей части расщепляется, проходя через печень...

Стоя в торжественной тишине за высокой кафедрой в большой общей аудитории Академии виноделия, Цзинь Ганцзуань исполняет свой долг. В первой лекции он раскрывает обширную и неоднозначную тему – «Вино и общество», – не затрагивая конкретики, совершенно в духе какого-нибудь известного высокопоставленного руководителя. Обозревая всех сверху, подобно богу, он говорит о всякой всячине, распространяясь о древности и современности. Как и положено именитому специалисту, приглашенному для чтения лекций, он абсолютно не ограничивает содержание выступления рамками темы. Он может взмывать к

небесам, мощно и неудержимо, как крылатый Пегас, но вынужден время от времени возвращаться на землю. Но хотя он и говорит все, что в голову взбредет, каждая фраза прямо или косвенно связана с темой.

Все девятьсот студентов и студенток академии, а также профессора, преподаватели, ассистенты и руководство института с пухнувшими головами как замороженные взирают на него снизу вверх – крохотные звездочки перед огромным светилом. Сияние, которое исходит в это прекрасное солнечное весеннее утро от стоящего за кафедрой Цзинь Ганцзуаня, пронизывает, как алмазное сверло³³, от него больно глазам. Вот среди слушателей и профессор Юань Шуаньюй. Ему уже за шестьдесят. Высоко вскинута голова закоренелого упряма, развевающиеся седые волосы, прекрасные манеры; каждый волос отчетливо выделяется серебряной нитью, румяные щеки, величественная стать – он подобен познавшему дао и, как сподобившийся священного озарения даос, удалился от мирского, «праздное облачко», «дикий журавль»³⁴. Его посеребренная голова очень выделяется среди остальных голов – воистину верблюд среди стада овец. Этот почтенный старик – мой научный руководитель, я знаком не только с ним, но и с его женой. Позже у меня завязался роман с их дочкой, потом я женился на ней, так что он и его

---

³³ Цзиньганцзуань – досл. «алмаз, алмазное сверло».

³⁴ «Праздное облачко», «дикий журавль» – традиционные образы для обозначения удалившегося от мира отшельника.

жена, естественно, стали моими тестем и тещей. В этот день я тоже присутствую в аудитории: ведь я – кандидат наук и в Академии виноделия провожу исследования по специальности «купажирование», а тесть – мой научный руководитель. Дух и суть вина – это и моя суть, моя душа, это и тема настоящего сочинения. Литературой я занимаюсь в свободное время, обязательствами профессионального литератора не обременен и могу давать волю своей кисти, могу и выпить, когда пишу. Славное вино! Да, действительно славное! Какое славное вино, плод наших славных рук оно! Выпьешь нашего вина – всюду связь налажена! Нашего вина попьешь – за присест свинью умнешь! Со звоном ставлю бокал с вином на лаковый поднос, и перед глазами словно по заказу всплывает большая аудитория. А в лаборатории, в лаборатории купажирования, за прозрачным стеклом бутылок ярко переливается всевозможными оттенками красного вино. Гудят лампы дневного света, вино разливается в крови, мысли текут вспять в потоках времени. Неширокое, очень подвижное лицо Цзинь Ганцзуаня излучает какое-то пленительное очарование. Он – слава и гордость Цзюго, объект поклонения студентов нашего учебного заведения. Хотят, чтобы их дети стали такими, как Цзинь Ганцзуань, роженицы. Мечтают, чтобы их женихи походили на него, невесты. Без вина банкет не банкет, без Цзинь Ганцзуаня Цзюго не Цзюго. Он осушает большой бокал, благовоспитанно вытирает шелковым платком блестящие, как шелк, губы. Первая красави-

ца факультета купажирования Вань Госян, в цветастой юбке, самой красивой в мире, абсолютно выверенным движением вновь наполняет бокал и под благодарным взглядом приглашенного профессора заливается краской – можно сказать, красные облачка счастья появляются у нее на щеках. Уверен, не одну девушку в зале охватывает ревность, многие ей завидуют, некоторые даже зубами скрипят от злости. Голос у Цзинь Ганцзуаня звучный, слова изливаются непрерывным потоком, и ему не нужно прочищать горло. Привычка покашливать, этот несущественный недостаток выдающейся личности, ничуть не вредит его утонченности.

– Дорогие товарищи, дорогие студенты, – говорит он, – не надо слепо преклоняться перед талантом. Талант – это тяжелый труд и самоотречение. Конечно, не все материалисты отрицают, что у отдельных людей отдельные органы развиты больше, чем у других. Но это еще ни о чем не говорит. Допускаю, что у меня от рождения довольно высокая способность расщеплять алкоголь, но, если бы не последующие изнурительные тренировки, мне вряд ли удалось бы достичь столь блестящего уровня мастерства, искусства много пить не пьянея.

Он скромн, все действительно способные люди скромны, а те, кто хвастается своими талантами, зачастую ими не обладают или обладают не в такой степени. Ты изящно выпиваешь еще один бокал китайского вина. Барышня-купажистка грациозно наполняет его. Усталой рукой наливаю и се-

бе. Присутствующие обмениваются понимающими улыбками, словно приветствиями. «У поэта Ли Бо на доу вина – сто превосходных стихов»³⁵. Куда там Ли Бо тягаться со мной, он, чтобы выпить, лез в мошну за деньгами. А мне незачем, я могу пить вино из лаборатории. Ли Бо – корифей литературы, а я – любитель и занимаюсь литературой на досуге. Написать немного о том, что я хорошо знаю, меня уговорил заместитель председателя нашего отделения Союза писателей – я частенько таскаю ему вино из лаборатории. Этот меня дурить не будет. Так, до чего он уже договорился в своей лекции? Давайте-ка мы, все девятьсот студентов академии, этаких маленьких бодреньких осликов, наострим уши и сосредоточимся.

Маленькие ослики. Выражением лица и манерами замначальника отдела Цзинь Ганцзуань, наш приглашенный профессор, мало чем от них отличается. Он такой необыкновенно милый, когда крутит головой и помахивает хвостиком за кафедрой.

– Чтобы проследить историю моих отношений с вином, нужно вернуться на сорок лет назад, – продолжает он. – Сорок лет назад, когда все вокруг отмечали образование нашего государства, я только начинал развиваться в чреве матери. Перед этим, как выяснилось, мои отец и мать, подобно многим другим, радовались как сумасшедшие. Эта черед

---

³⁵ Строка из стихотворения древнекитайского поэта Ду Фу (712–770) «Восемь бессмертных за вином» (пер. А. Гитовича).

достных событий проходила в обстановке какой-то безумной одержимости, когда все превозносилось до небес, так что я – продукт безумной радости, ее побочный продукт. Коллеги, все мы знаем, насколько безумная радость связана с вином. Ведь не важно, является ли карнавал праздником бога вина, и не важно, верно ли, что на праздник бога вина родился Ницше. Важно то, что продуктом слияния экстатической спермы отца и экстатической яйцеклетки матери стал я, и это предопределило связь моей судьбы с вином.

Раскрыв и прочитав переданную ему записку, он благодушно провозгласил:

– Я – политический и идеологический работник партии, разве я могу пропагандировать идеализм? Я – материалист с головы до ног. «Материя первична, сознание вторично» – эти слова золотом вышиты на боевом знамени, которое я всегда высоко нес и буду нести. Сперма тоже материальна, хоть она и продукт экстаза, и, если следовать той же логике, разве не относится к материальному и яйцеклетка? Или, если привести другой пример, разве может человек в экстазе покинуть свою брэнную плоть и стать витающим повсюду чистым духом? Ладно, дорогие коллеги, время – вещь драгоценная, время – деньги, время – это сама жизнь, и нам не следует ходить вокруг да около таких элементарных вещей, потому что сегодня в полдень банкет, где мне предстоит чествовать инвесторов и друзей, которые оказывают поддержку первому ежегодному фестивалю Обезьяньего вина, в том

числе американцев китайского происхождения, а также наших собратьев из Гонконга и Макао, которых никак нельзя обидеть неучтивостью.

Я сидел в задних рядах и, когда Цзинь Ганцзуань упомянул об Обезьяньем вине, заметил, что дельтовидные мышцы на шее тестя напряглись и побагровели. Старику полжизни не давало покоя это чудесное, несравненное вино из легенды. Такое радостное событие, как начало производства Обезьяньего вина, когда этот легендарный напиток станет реальностью, когда его можно будет разлить по емкостям, спят и видят все два миллиона жителей Цзюго. Для этого сформирована специальная группа, городские власти выделили огромные средства, старик эту группу возглавляет, так кто же, как не он, должен напрячься? Лица не видно, но могу представить, сколько на нем эмоций.

– Дорогие студенты, попробуем себе представить следующую священную картину: вертя мягкими хвостиками, охваченные экстазом сперматозоиды, словно горстка храбрых воинов, устремляются на штурм крепости – нет, хоть они и охвачены экстазом, их движения и ловки, и нежны. Когда-то главарь фашистов Гитлер мечтал видеть молодых немцев «ловкими, как охотничьи собаки, гибкими, как кожа, и твердыми, как крупковская сталь». Идеальная молодежь в его представлении отчасти похожа на движущееся у нас перед глазами скопище сперматозоидов, в том числе и на зародыш меня самого. Но нет, ни одну, даже очень хорошую,

метафору нельзя повторять дважды, тем более что придумал ее ненавистный всем на земле враг рода человеческого. Лучше использовать недолговечную и грубоватую отечественную продукцию, чем превосходные иностранные товары. Вопрос это принципиальный, тут небрежности нельзя допускать и на самую малость. «Руководящие работники всех ступеней должны быть предельно внимательны и никогда не допускать небрежности»³⁶. В медицинской литературе сперматозоидов изображают головастиками, такими головастиками когда-то были и мы. Множество сперматозоидов – в том числе и маленькая частичка меня – плывут в теплых потоках моей матери. Между ними идет соревнование, победителя ждет награда – зернышко, сочная белая виноградина. Иногда, конечно, случается, что к финишу приходят одновременно и двое лучших пловцов, в таком случае при наличии двух белых виноградин награду получает каждый, а если виноградина одна, этой сладкой жидкости остается лишь позволить обоим воспользоваться плодами победы. Ну а если к финишу одновременно придут трое, четверо или даже большее число пловцов? Это случай особый, такое встречается крайне редко, а научные положения выводятся, в основном исходя из обычных условий, особые же случаи рассматриваются отдельно. Так или иначе в этом соревновании до цели первым добрался лишь я один, белая виноградина поглотила меня, и я стал ее частью, а она стала частью меня.

---

³⁶ Цитата из Мао Цзэдуна.

Да, «любое, самое образное сравнение хромает» – это слова Ленина; «без метафоры нет литературы» – так говорил Толстой. Мы сравниваем вино с красавицей, другие сравнивают красавицу с вином. Это говорит о том, что между вином и красавицей действительно есть нечто общее, и специфическое в этом общем определяет различие между вином и красавицей, а общее в их специфическом эти два понятия отождествляет. Однако людей, которые действительно могут уловить в вине нежность красавицы, очень мало, это такая же редкость, как перо феникса и рог цилиня³⁷.

Его выступление в тот день потрясло. Нам, студентам с неглубокими знаниями и аспирантам со знаниями чуть поглубже, столько воды не выпить, сколько он выпил вина.

– Истинные знания дает практика, дорогие студенты. Мастерство стрелка возрастает от числа выпущенных пуль, мастерство питья – от выпитого вина. На дороге к успеху коротких путей нет, и лишь храбрецы, которые, не страшась опасностей, продолжают путь по неровной горной тропинке, могут уповать на то, что доберутся до сияющей вершины!

Нас озарил свет истины, и аудитория взорвалась горячими аплодисментами.

– Коллеги, детство у меня было трудное. – Все великие люди прошли через океан страданий, и он не исключение. –

---

³⁷ *Цилинь* – сказочный зверь, изображаемый в виде однорогого оленя, покрытого пластинами, как носорог: является предвестником счастливых событий, дарует детей бездетным супругам; его появление предвещает приход гениального исторического деятеля.

Я жаждал вина, но вина не было.

Он рассказал, как в тяжелых тогдашних условиях вместо вина пил технический спирт, чтобы закалить внутренности, и мне захотелось описать этот незаурядный опыт незамутненным литературным языком. Отхлебнув вина, со звоном ставлю бокал на лаковый поднос. Опускается ночь, Цзинь Ганцзуань где-то на полдороге между замначальника отдела и исполненным экстаза сперматозоидом. Одетый в рваную куртку, он машет мне рукой и ведет по родным местам.

Студеная зимняя ночь. Месяц на ущербе, и усыпавшие небо звезды освещают улицу и дома в деревне Цзинь Ганцзуаня, засохшие листья и ветви ив, цветы сливы. Недавно прошел сильный снегопад, после этого пару раз выглянуло солнце, под его лучами снег растаял, и с соломенных стрех домов свисают хрустальные сосульки. В ярком свете звезд они отбрасывают слабые отблески, посверкивает и снег на крышах и деревьях. Судя по описанию замначальника Цзиня, эта зимняя ночь, видимо, была безветренной, потому что под натиском жгучего холода лед на реке стал трескаться, и в глубокой ночи этот треск раздавался еще явственнее. Постепенно все в округе стихает. Деревня – а это дальний пригород Цзюго – уже крепко спит. Вполне вероятно, когда-нибудь нам представится возможность посетить на «Фольксвагене Сантана» замначальника Цзиня эти благословенные места, увидеть священные реликвии там, где каждый холм, каждый ручеек, каждая травинка, каждое деревце вызыва-

ют такое теплое чувство, такое благоговение. Подумать только, из этой захудалой деревушки, где в домах царила нужда, мало-помалу поднялся озаривший Цзюго светоч вина. От его ослепительного сияния режет глаза, они наполняются горячими слезами, сердце охватывает необычайное волнение. старая поломанная колыбель тоже колыбель, и ее ничем не заменишь. Судя по сегодняшней обстановке, будущее перед замначальника Цзинем открывается безграничное. Когда мы прогуливаемся вместе с ним, теперь уже руководителем высокого ранга, по пыльным и грязным улочкам и переулкам его родной деревни Цзуаньшицунь – Бриллиантовой деревни, когда внимаем плеску струй на берегу тамошнего ручейка, когда неторопливо шагаем по речной плотине под зеленую высоко вознесшихся и глядящих в безграничную даль деревьев, когда проходим мимо коровников и конюшен... Когда его сплошным потоком переполняют горести и радости детских лет, любовь и мечтания, как узнать, что у него на душе? Какова у него походка? А выражение лица? Какой ногой он ступает вперед – левой или правой? Где у него левая рука, когда он ступает правой ногой? А где правая рука, когда ступает левой? Как у него пахнет изо рта, какое у него давление? А сердце – как часто оно бьется? Видны ли зубы, когда он улыбается? Собираются ли на носу морщинки, когда он плачет? Много всего хотелось бы описать, так ведь слов не хватает. Остается лишь поднять бокал. Потрескивают покрытые снегом и обледенелые ветви деревьев, да-

леко на пруду, где лед толщиной три чи³⁸, торчит сухой камыш. Что-то разбудило устроившихся на ночь диких и домашних гусей, и они звонко гогочут. Этот разнесшийся в морозном воздухе звук достиг и восточного крыла дома Седьмого Дядюшки. По словам Цзинь Ганцзуаня, он каждый вечер отправлялся в этот дом и засиживался там до глубокой ночи. В доме царит полумрак, у восточной стены на старинном столе с тремя выдвижными ящичками стоит керосиновая лампа. Седьмая Тетушка с Седьмым Дядюшкой сидят на кане³⁹. Рядом с каном устроились малыш-печник, Долговязый Лю, Фан Девятый и кладовщик Чжан. Все они, как и я, каждый день приходили сюда коротать долгие зимние вечера, и их не останавливал ни ветер, ни снег. Они рассказывали, чем занимались днем, передавали новости из окрестных деревень, повествуя так живо и увлекательно, что перед глазами разворачивалась яркая картина деревенских обычаев. Вот где было разгуляться литератору! Холод дикой кошкой прокрадывался из дверных щелей и покусывал за ноги. В то время Цзинь Ганцзуань был всего лишь ребенком из малоимущей семьи, денег не хватало даже на пару носков, и приходилось поджимать черные потрескавшиеся ноги в тапочках, сплетенных из рогоза, потому что на подошвах и между пальцев выступал ледяной пот. Во мраке помещения свет керосиновой лампы казался особенно ярким, белая бумага

---

³⁸ Чи – мера длины, равная 0,3 м.

³⁹ Кан – отапливаемая лежанка в традиционном китайском доме.

в окнах поблескивала, через дыры в ней то и дело врывается морозный воздух, а копоть от лампы поднималась к потолку постоянно меняющимися форму колечками.

В углу лежанки спят двое детей Седьмой Тетушки и Седьмого Дядюшки; девочка похрапывает ровно, а мальчик – нет. Он храпит то на высоких, то на низких нотах, а еще что-то неразборчиво бормочет, словно дерется во сне с чужими мальчишками. Седьмая Тетушка, женщина очень образованная, с удивительно ясным взглядом, страдала хронической нервной икотой и икала довольно громко. Седьмой Дядюшка постоянно пребывал словно в полусне; его лицо неопределенной формы, без четко очерченных линий, напоминало няньгао⁴⁰. Он сидит, отрешенно уставившись затуманенным взором на огонь лампы. На самом деле Седьмой Дядюшка был человек довольно неглупый и в свое время разработал хитроумный план, благодаря которому взял в жены Седьмую Тетушку, женщину образованную и на десять лет моложе. Дело это сложное и запутанное, в двух словах не объяснишь. Седьмой Дядюшка, ветеринар-любитель, мог проколоть вену на ухе свиньи, ввести глюкозу и пенициллин, а также умело кастрировал боровов, собак и ослов. Как и все мужчины в деревне, был не дурак выпить. Вот только пить было нечего. Всё, из чего гнали вино, уже использовали подчистую, и самым насущным вопросом стала еда.

– Долгими зимними вечерами животы у нас урчали от го-

---

⁴⁰ См. примеч., с. 15.

лода, — продолжал рассказ Цзинь Ганцзуань, — и тогда никто не верил, что я дотяну до сего дня. Что есть, то есть: нюх у меня очень тонкий, особенно в том, что касается алкоголя, тем более в деревне, где воздух не загрязнен. Холодными вечерами отчетливо разносятся самые разные запахи, и если в радиусе нескольких сотен метров в доме пьют вино, я определяю это довольно точно.

Была уже глубокая ночь, когда я учуял доносившийся с северо-востока запах вина. Казалось, источник соблазнительного запаха совсем близко, хотя меня отделяли от него стены дома, хотя ему пришлось преодолеть покрытые снегом крыши домов, пронизать закованные в броню изо льда и снега деревья и опьянить по дороге кур, уток, гусей и собак. Лай собак стал каким-то округлым, подобно винным бутылкам, все вокруг дышало восхитительным опьянением. От этого запаха созвездия на небе замигали от счастья и стали раскачиваться туда-сюда, как шалуны на качелях; от него ословели рыбы в реке: они лежали на мягких речных водорослях и пускали пузыри. Несомненно, запах вина в студеном ночном воздухе вдыхали и птицы, в том числе две совы с богатым оперением, и кроты, грызущие стебельки травы в своих подземных норках. На этом обширном пространстве, промерзшем, но полном жизни, все, сколько было, живые твари вкусили от привнесенного человеком, отсюда и зародилось это священное чувство, эта услада питием, «коему начало бысть пошло от императоров древности, то ли с И Ди, то ли с Ду

Кана»⁴¹, через которое можно общаться с богами. Почему в жертву предкам во спасение души мы приносим вино? Я понял это именно в ту ночь. Это была ночь откровения. В ту ночь пробудился спавший во мне дух, открылась великая тайна Вселенной, тайна, которую не описать словами, прекрасная и нежная, исполненная любви и доброты, трогательная и бередящая душу, влажная и благоухающая... понимаете?

Он протянул руки в сторону вытянувших шеи слушателей, а мы сидели, широко раскрыв глаза и разинув рты, словно желая взглянуть на это чудодейственное средство, а потом выпить, хотя ладони были пусты.

Твои глаза озарены волнующим до глубины души светом, каким сияют лишь глаза тех, кто говорит с Богом. Ты видишь невообразимые для нас образы, внимаешь звукам, которых нам не дано слышать, обоняешь недоступные нам запахи – какой мы исполнились печали! Льющаяся из твоих уст речь подобна музыке, это плавно несущий свои воды поток, шелковая нить, что тянется из брюшка приплясывающего в воздухе паучка; она и груба и изящна, как куриное яйцо, так же округла и гладка – всё как в жизни. Мы опьянены этой музыкой, покачиваемся в этом потоке, пританцовываем на этой паутинке, мы видим Бога. Но перед тем как узреть Его, мы видим, как плывут в водах этого потока наши неживые

---

⁴¹ Цитата из «Рескрипта о вине» Цзян Туна (?–310). *И Ди, Ду Кан* – легендарные изобретатели алкоголя.

тела...

Вот почему крик совы той ночью звучал как нежное воркование любовников – воздух был напоен вином. И дикие гуси спаривались один за другим с домашними той ночной порой, в зимнюю стужу да еще в небрачный сезон, тоже потому, что воздух дышал вином. Нос у меня стал сильно подергиваться, и Фан Девятый поинтересовался: «Ты чего носом дергаешь? Чихнуть, что ли, хочешь?» Его голос прозвучал как из бочки. «Вино... – пробормотал я. – Вином пахнет!»

Все стали водить носами. У Седьмого Дядюшки нос аж весь сморщился: «Откуда здесь вино? С чего ты взял?» – «А вы принюхайтесь, принюхайтесь». Мысли мои путались, а душа рвалась вон.

Они обшарили глазами всё вокруг, каждый уголок. Седьмой Дядюшка даже приподнял постеленную на кане циновку, чем вызвал бурную реакцию Седьмой Тетушки: «Ну и чего ты туда полез? На кане, что ли, вино можно найти? Просто уму непостижимо!»

Как я уже говорил, Седьмая Тетушка была из интеллигентов, отсюда и «просто уму непостижимо». Не успела она войти в нашу семью, как тут же выговорила моей матушке за то, что та слишком усердно промывает рис и разрушает все витамины. От этих «витаминов» у матушки аж челюсть отвисла и глаза на лоб полезли.

В запахе вина содержатся протеин, липиды, кислоты, фе-

нолы, а также кальций, фосфор, магний, натрий, калий, хлор, сера, железо, медь, марганец, цинк, иод, кобальт. И еще витамины А, В, С, D, E, F, а также другие вещества. Я тут, что называется, машу топором перед воротами Баня⁴², бахвалюсь своими познаниями о составляющих вина, в то время как ваш профессор Юань Шуаньюй знает все это как никто другой.

От похвалы Цзинь Ганцзуаня у тестя даже шея побагровела. Волнения на лице старика я не замечаю, мне его вообще почти не видно.

– Но в винном запахе присутствует нечто сверхматериальное, это некий дух, некая вера, священная вера, которую можно постичь лишь умом, но нельзя передать на словах – слова такие неуклюжие, а метафоры так хромают, – она просачивается в душу до дрожи. Друзья мои, студенты, неужели еще нужно аргументированно доказывать, является ли вино вредным или полезным? Да нет же, нет в этом нужды, вино – это ласточка, лягушка, красноглазая оса, божья коровка⁴³, это живой «дух, уничтожающий зло»!⁴⁴

В каком-то самозабвенном порыве он стал энергично размахивать руками, доводя себя, как Гитлер, до белого кале-

---

⁴² *Лу Бань* (507–440 до н. э.) – плотник, инженер, философ, изобретатель, покровитель китайских строителей.

⁴³ Все перечисленные виды приносят пользу, уничтожая насекомых-вредителей.

⁴⁴ «*Дух, уничтожающий зло*» – буквальный перевод названия популярного в Китае инсектицида в аэрозольной упаковке с приятным запахом.

ния.

– «Седьмой Дядюшка, – продолжал он свой рассказ, – смотрите, винный дух уже лезет из окна, с потолка, изо всех дыр и щелей...» «А пацан, похоже, умом тронулся, – пробормотал себе под нос Фан Девятый. – Разве у запаха есть цвет? Его что, можно увидеть? Точно, свихнулся...»

Они мерили меня, один за другим, подозрительными взглядами, будто я и вправду тронулся. Но мне было не до них! Я бежал, не чуя ног, по разноцветному мосту, устланному запахом вина, я просто летел... И свершилось чудо, дорогие коллеги, свершилось чудо!

Голова Цзинь Ганцзуаня склонилась под тяжестью эмоций. Стоя за кафедрой в общей аудитории Академии виноделия, он продолжал хрипловато, но необычайно заразительно:

– Где-то в моем мозгу возникла картина славного банкета посреди заснеженной ночи. Яркая газовая лампа. Старинный квадратный стол на восемь человек. На столе – таз, из него валит пар. За столом сидят четверо, и чашка с вином в руке у каждого переливается всеми красками зари. Лица какие-то нечеткие... Ух ты! Прояснились, и я всех узнал... Секретарь партиячейки, бухгалтер большой производственной бригады, командир роты народной милиции, председатель женсоюза... У каждого по вареной бараньей ноге, они макают ее в толченый чеснок, заправленный соевым соусом и кунжутным маслом... Указывая на них пальцем, я говорил, обращаясь к Седьмому Дядюшке и компании, словно

толкователь. Перед глазами все туманилось, лица Седьмого Дядюшки и остальных виднелись неотчетливо, и я не смел отводить глаза в сторону, боясь, что картинка исчезнет... Седьмой Дядюшка схватил меня за руку и яростно затряс ее: «Сяо Юйэр!⁴⁵ Сяо Юйэр! Что с тобой, заболел?»

Левой рукой он тряс мне руку, а правой отвесил подзатыльник. Слово битый кирпич и обломки черепицы разлетелись по ровной как зеркало поверхности пруда, в голове загудело, во все стороны посыпались брызги, рябью пошли накладываться друг на друга круги, и от картины перед глазами осталось пустое место.

«Зачем?! – в досаде завопил я. – Зачем надо было это делать?» Все смотрели на меня, охваченные тревогой. «Тебе, видать, сон приснился, дитяtko?» – проговорил Седьмой Дядюшка. «Никакой это не сон. Я видел, как партсекретарь, бухгалтер, председатель женсоюза и командир роты народной милиции пьют вино. У каждого по бараньей ноге, они макают ее в толченый чеснок, горит газовая лампа, а сидят они за квадратным столом». «Почудилось», – зевнула во весь рот Седьмая Тетушка. «Но я всё ясно видел!» – «Пополудни я на реку за водой ходил, – вставил Долговязый Лю, – и вправду видел, как председатель женсоюза вместе с двумя товарками промывала баранину у проруби». «И ты в фантазии ударился!» – шикнула на него Седьмая Тетушка. «Да правда это!» – «Правда, как же! Смотрю я, тронулись вы уже

---

⁴⁵ Сяо Юйэр – букв. «рыбка»; видимо, детское имя Цзинь Ганцзуаня.

на еде, не наедитесь никак!» – взвилась Седьмая Тетушка. «Не надо ссориться, – уныло проговорил малыш-печник. – Пойду-ка я разведаяю». «Не сходи с ума! – бушевала Седьмая Тетушка. – Ты что, поверил в эти бредни?» «Вы здесь подождите, – добавил малыш-печник, – а я мигом – одна нога здесь, другая там». «Гляди, чтобы не сцапали тебя да не поколотили», – озабоченно проговорил Седьмой Дядюшка. Но малыш-печник уже вышел, и от влетевшего в дом порыва ветра чуть не погасла лампа.

Когда он, задыхаясь, вернулся, новый порыв холодного ветра снова чуть не загасил лампу. Малыш-печник обалдело уставился на меня, как на привидение. «Ну и что ты там увидел?» – презрительно усмехнулась Седьмая Тетушка. «Чудо, настоящее чудо! – повернулся к ней малыш-печник. – Сяо Юйэр просто небожитель, ясновидящий!»

По его словам, увиденное в точности соответствовало моему описанию. Пирушка проходила в доме партсекретаря. Ограда у дома невысокая, и он ее просто перемахнул. «Не может быть!» – ахнула Седьмая Тетушка. Выйдя на улицу, малыш-печник вернулся с мерзлой, как камень, бараньей головой в руках и поднял ее, чтобы показать Седьмой Тетушке. У той глаза на лоб полезли, она даже икать перестала.

В тот вечер мы эту баранью голову быстренько вымыли и положили в котел вариться. Пока она варилась, все думали о вине. В конце концов идею подала Седьмая Тетушка: не выпить ли спирта.

У Седьмого Дядюшки, как у настоящего ветеринара, была припрятана бутылочка для дезинфекции. Конечно, мы разбавили спирт водой. И начался нелегкий процесс закалки. Выросшему на ветеринарном спирте любой другой алкоголь нипочем! Жаль только, малыш-печник и Седьмой Дядюшка ослепли.

Подняв руку, Цзинь Ганцзуань посмотрел на часы:

– Дорогие студенты, на этом сегодняшняя лекция закончена.

Глава вторая

1

Директор шахты и партсекретарь стояли лицом друг к другу: левая рука у обоих согнута перед грудью, правая вытянута вперед, ладони выпрямлены – ни дать ни взять вышколенные дорожные полицейские. Лица настолько похожи, что казались отражением в зеркале. Разделяла их красная ковровая дорожка метр в ширину, которая тянулась по всей длине залитого светом коридора. Перед этим искренним проявлением вежливости весь боевой настрой Дин Гоуэра начисто улетучился, и он стоял в нерешительности рядом с двумя руководителями, не зная, делать шаг вперед или нет. Расплывшееся на их лицах радушие походило на жирную липкую массу, она никуда не исчезала и от колебаний Дин Гоуэра лишь росла в объеме. Боги не говорят, это точно, они молчат, но их позы действуют сильнее любых сладких речей, сопротивляться невозможно. Отчасти от безысходности, отчасти из благодарности Дин Гоуэр зашагал вперед. Директор шахты и партсекретарь тут же последовали за ним, образовав равнобедренный треугольник. Коридору, казалось, не будет конца, и в душе следователя зародились сомнения. Он четко помнил: дом с четырех сторон окружен подсолнухами, в нем

должно быть не более десяти комнат – откуда такой длиннющий коридор? На стенах, оклеенных белыми как молоко обоями, через каждые три шага с обеих сторон симметрично вырастали парные светильники красного цвета в форме факелов. Державшие эти красные факелы металлические руки ярко блестели и смотрелись как живые, – казалось, их просунули с другой стороны стены. Он с ужасом представил, что за стеной у каждого светильника стоит рослый бронзовотелый детина и двигаться по этому устланному красной ковровой дорожкой коридору все равно что идти сквозь строй ошестинившихся оружием охранников. «Теперь я – преступник, а партсекретарь с директором – мои конвоиры». Сердце затрепетало от страха, и в мозгу образовались трещины, в которые влилось несколько холодных струек разума. Он вспомнил про свою важную миссию, про священный долг. Исполнить священный долг шашни с девицей не помешают, а вот вино может. С девицей голова остается ясной, а после вина тупеешь. Он остановился:

– Я не выпивать приехал, а проводить расследование.

Получилось не очень вежливо. Директор и партсекретарь обменялись абсолютно одинаковыми взглядами без намека на раздражение, и их голоса звучали с прежним радушием:

– Знаем, знаем. Какое выпивать – никто вас заставлять не собирается.

Дин Гоуэр так и не разобрался, кто из этих братьев-близнецов партсекретарь, а кто директор, но спросить не отважи-

вался, боясь обидеть. Оставалось путаться дальше: все одно эти двое похожи как две капли воды, да и должности партсекретаря и директора мало чем отличаются.

– Пожалуйста, пожалуйста, не желаете пить, так поедите.

Дин Гоуэру ничего не оставалось, как шагать дальше, хотя это построение в форме треугольника ему уже опротивело: один впереди, двое сзади – будто коридор вел не в банкетный зал, а в зал суда. Он пошел медленнее, надеясь сравняться с ними. Но надеялся напрасно: стоило замедлить шаг, следовавшая за ним парочка тут же притормаживала. Форма треугольника сохранялась, и он оставался в положении конвоируемого.

Коридор вдруг повернул, красная коврая дорожка пошла вниз, светильники-факелы засияли еще ярче, а держащие их руки стали выглядеть еще более угрожающе, будто и впрямь живые. Целый сонм жутких мыслей закружился в мозгу золотыми мушками, и следователь инстинктивно еще крепче прижал под мышкой папку с документами. Твердая сталь упиралась в ребра, и от этого становилось спокойнее на душе. «Еще пара секунд, и можно наставить в грудь этим типам ствол пистолета. А там хоть ад, хоть могила, не боюсь я вас, сучье отродье».

Стало ясно, что коридор идет уже под землей. Светильники и коврая дорожка оставались такими же яркими, но чувствовалась какая-то промозглость, хотя холодно не было.

В конце коридора их встретила, сверкая глазами и бе-

лоснежными зубами, официантка в багряно-красной форме и в пилотке на макушке. Легкая улыбка на лице – результат большой практики – и исходящий от волос густой аромат оказали благотворное воздействие на нервы следовательно. Подавив желание погладить ее волосы, он занялся глубокой самокритикой и самооправданием. Девушка взялась за блестящую ручку из нержавеющей стали и распахнула перед ними дверь со словами: «Прошу вас, товарищи руководители». Треугольник наконец распался, и Дин Гоуэр облегченно вздохнул.

Перед ними предстал роскошный банкетный зал. Нежная цветовая гамма, мягкое освещение – все должно было наводить на мысли о любви и счастье, но это смазывал висевший в воздухе странный запах. С коварным блеском в глазах Дин Гоуэр быстро окинул взглядом кремовые диваны, обитые натуральной кожей, светло-желтые оконные занавеси из натурального шелка, белый потолок с цветными узорами и застеленный белоснежной скатертью стол. Через блистающее мириадами жемчужин ажурное стекло и хрусталь огромной люстры, свисавшей с потолка по центру, струился свет. В сияющий пол можно было смотреться как в зеркало: видать, только что навозили. На большом экране цветного телевизора в углу бежали титры караоке, лились нежные, интимные мелодии, девушка в купальнике принимала соблазнительные позы. Пока он оценивал помещение, секретарь с директором оценивающе поглядывали на него: им, конечно, было

невдомек, что он силится определить источник этого странного запаха.

– Милости просим в наше захолустье!

– Обстановка убогая, так неудобно перед вами.

Взгляд Дин Гоуэра продолжал блуждать по залу: большой круглый ресторанный стол с тремя уровнями; на первом расставлены приземистые стаканы для пива, стеклянные бокалы для вина на высоких ножках, рюмки для крепких напитков на ножках повыше, керамические чайные чашки с крышками, палочки для еды под слоновую кость в футлярах, разнокалиберные тарелки, большие и маленькие чашки для еды, ножи и вилки из нержавеющей стали, сигареты «чжунхуа» и «юньинь», американские «мальборо», английские «555», филиппинские сигары, заказные спички с большими красными головками в красочных коробках, позолоченные газовые зажигалки и пепельницы из искусственного хрусталя в форме павлина с распушенным хвостом. На втором уровне уже стояло восемь блюд: лапша с яйцом и сушеными креветками «хай ми»⁴⁶, ломтики жгуче острой говядины, цветная капуста под соусом карри, кружочки огурца, холодные утиные лапки, подслащенный корень лотоса, сердечки сельдерея, хорошо прожаренные скорпионы. Человек бывалый, Дин Гоуэр не увидел в этих холодных закусках ничего особенного – ничего, что могло бы удивить. На третьем уровне

---

⁴⁶ «Хай ми» – досл. «морской рис»; креветки, высушенные до размеров зернышек риса.

не стоял лишь ошестинившийся шипами кактус в горшке. От одного вида кактуса все зачесалось, и стало не по себе. «И чего было не поставить свежие цветы?»

При рассаживании все принялись было вежливо уступать друг другу лучшее место. По мнению Дин Гоуэра, за круглым столом не могло быть более и менее почетных мест, но партсекретарь с директором настаивали, что место у окна самое почетное. Дин Гоуэру пришлось там и сесть, а хозяева расположились вплотную по обе стороны от него.

По залу сновали ярко-красные, как знамена, официантки. От них расходились волны прохладного воздуха, разгонявшие по всему залу этот странный запах, который естественным образом смешивался с запахом пудры на лицах девиц, кисловатым потом из подмышек и ароматами из других мест. При этом он бил в нос все меньше, и внимание Дин Гоуэра переключилось на другое.

Прямо перед ним появилось небольшое полотенце абрикосового цвета. Оно свешивалось с широких щипцов из нержавеющей стали, и от него шел пар. Вздвогнувшись от неожиданности, Дин Гоуэр принял полотенце, но руки вытирать не стал, а сначала бросил взгляд туда, откуда появились щипцы, и увидел очень белую маленькую ручку, круглое личико и прикрытые ресницами черные глаза. Веки у девицы спускались складками, и создавалось неприятное впечатление, будто на глазу у нее то ли шрам, то ли парша, хотя на самом деле оказалось, что это не так. Насмотревшись, он вытер горячим

полотенцем лицо и руки: полотенце отдавало каким-то парфюмом с запахом гниющих яблок. За этим низкопробным ароматом он уловил также вонь вчерашней спермы. Едва он закончил вытирать руки и лицо, те же щипцы забрали полотенце обратно.

Партсекретарь любезно предложил сигарету, а директор щелкнул зажигалкой.

В рюмки для крепких напитков была налита «маотай», в бокалы для вина – «ванчао»⁴⁷, а в стаканы – «циндао»⁴⁸.

– Мы патриоты, заморские вина бойкотируем, – заявил партсекретарь, а может, директор.

– Я же сказал: пить не буду, – заметил Дин Гоуэр.

– Товарищ Дин, дружище, вы приехали издалека, и если не выпьете, нам будет просто неловко. Обстановка у нас тут неофициальная, этакий домашний обед, и если не выпить, то как нам выразить дружеские отношения между вышестоящими и нижестоящими? Вино – немаловажный источник налоговых сборов, и получается, что, когда пьешь вино, вносишь вклад в хозяйство страны. Выпейте, выпейте чуточку, а то нам стыдно будет вам в глаза смотреть.

С этими словами оба высоко подняли рюмки с водкой и поднесли к лицу Дин Гоуэра. Кристально чистый и прозрач-

---

⁴⁷ «Ванчао» – досл. «династия»; сухое красное вино.

⁴⁸ «Циндао» – одна из самых известных и старейших марок китайского пива, производится в одноименном городе на пивоварне, основанной в начале XX в., когда порт Циндао был германской военно-морской базой на Дальнем Востоке.

ный алкоголь слегка подрагивал, исполненный благоухания и невероятно соблазнительный. В горле запершило, рот наполнила слюна. Она давила на язык и смачивала полость рта.

– Такое обилие всего... я ничем не заслужил... – запинаясь, пробормотал он.

– Какое обилие, товарищ Дин, старина, о чем вы говорите! Шахта у нас небольшая, подготовка слабая и условия не совсем, повар – кулинар невеликий, а вы из большого города приехали, поездили по белу свету, повидали всякого, каких только прекрасных напитков и знаменитых вин не пробовали, какой только дичи не едали! Да вы просто смеетесь, – возразил то ли партсекретарь, то ли директор. – Пожалуйста, отведайте чего-нибудь. Всем нам, кадровым работникам, приходится откликаться на призыв горкома «жить, затянув пояс», вы уж, пожалуйста, поймите и извините нас.

Оба болтали без умолку, а высоко поднятые рюмки с водкой оказывались все ближе к губам Дин Гоуэра. Он с трудом сглотнул скопившуюся во рту вязкую слюну, потянувшись за своей рюмкой и поднял ее, отметив, какая она маленькая и какой тяжелый в ней алкоголь. С ней звонко чокнулись рюмки партсекретаря и директора. Рука дрогнула, несколько капель пролилось на кожу между большим и указательным пальцем, и возникло ощущение приятной прохлады. Пока он проникался этим чувством, с обеих сторон прозвучало:

– Сначала за уважаемого гостя, за уважаемого гостя!

Осушив свои рюмки, партсекретарь и директор перевер-

нули их вверх дном, показывая, что ни капли не осталось. Дин Гоуэр знал, что даже за одну оставшуюся каплю полагается три штрафные рюмки. Он выпил полрюмки, и во рту разлился великолепный аромат. От сидевшей по бокам парочки не донеслось ни слова укора, они лишь держали перед ним осушенные до дна рюмки. Сила примера безгранична, и Дин Гоуэр тоже опрокинул свою.

Все три рюмки тут же оказались наполнены.

– Больше пить не буду. От вина только вред работе, – заявил Дин Гоуэр.

– Доброе дело не грех и повторить!

Он прикрыл рюмку рукой:

– Хватит, довольно!

– Три рюмки, как сели за стол, – так уж у нас заведено.

После трех рюмок голова закружилась, и он взялся за палочки, чтобы поддеть рисовой лапши. Лапша скользила, и с ней никак было не совладать. Партсекретарь и директор подружески помогли своими палочками подцепить немного и донести до рта, а потом громко скомандовали:

– Сосите!

Дин Гоуэр с силой втянул в себя воздух, и дрожащая лапша с хлопаньем проскочила в рот. Одна из девиц-официанток, зажав рот ладонью, захихикала. «Как захихикает девица, мужчина тотчас оживится» – и настроение за столом вдруг повисилось.

Вновь наполнили рюмки, и партсекретарь или директор

шахты поднял свою:

– Для нас большая честь, что следователь высшей категории Дин Гоуэр смог приехать на нашу скромную шахту для проведения расследования. Поэтому от имени кадровых работников и рабочих предлагаю выпить за вас три рюмки. Ваш отказ будет означать пренебрежение к нашему рабочему классу, к нашим чумазым шахтерам.

Видя, как зарделось от волнения бледное лицо оратора, поразмыслив над словами тоста и признав, что они и в самом деле полны значимости, Дин Гоуэр отказаться не смог. Казалось, на него смотрят в упор тысячи шахтеров – в касках, затянутых поясах, черных с головы до ног, только зубы блестят. Расчувствовавшись, он с удовольствием осушил три рюмки подряд.

Одного тостующего тут же сменил другой. От имени своей восьмидесятичетырехлетней матери он пожелал Дин Гоуэру доброго здоровья и бодрости духа. А когда Дин Гоуэр стал отказываться пить, заметил:

– Товарищ Дин, всех нас вырастили матери, верно? Как гласит поговорка, в семьдесят три и в восемьдесят четыре разве не призывает к себе Яньло-ван⁴⁹? Другими словами, в таких годах наши матери вполне могут покинуть этот мир⁵⁰. Неужто вы не выпьете тост от старушки матери, которая уже

---

⁴⁹ *Яньло-ван* – в китайских народных верованиях владыка ада.

⁵⁰ По преданию, Конфуций умер в 73 года, а Мэн-цзы – в 84, поэтому этот возраст традиционно считается в Китае критическим для пожилых людей.

одной ногой в гробу?

У Дин Гоуэра в родных краях тоже оставалась почитаемая им седовласая старушка мать. Разве можно пренебречь просьбой такого же, как и он, почтительного сына? Даже сердце заныло при этой мысли. Как не выпить тост матери за сына? Сыновняя почтительность пересилила, и, взяв рюмку, он одним махом осушил ее.

После того как девять рюмок одна за другой очутились в желудке, тело и сознание начали отделяться друг от друга. Не то чтобы отделяться, правильнее сказать, стало казаться, что сознание превратилось в поразительной красоты бабочку. Крылья у нее пока были сложены, но ей суждено было расправить их, и как раз сейчас она вылезала из центрального меридиана черепа. Покинутая сознанием оболочка станет покинутым коконом, легким как перышко.

Теперь, после всех уговоров, оставалось лишь пить рюмка за рюмкой, словно пытаясь наполнить бездонный колодец, из которого не доносилось никакого эха. Во время этой попойки три девицы в красном сновали туда-сюда, как пышущие жаром языки пламени, как мелькающие шаровые молнии, и вносили одно за другим дымящиеся, ласкающие взор и вкус великолепные блюда. Он смутно припоминал, что съел огромного, с ладонь, краба, полакомился толстенными, со скалку, креветками в остром красном соусе, расправился с большой черепахой с зеленоватым панцирем, похожей на танк новой конструкции в камуфляжной раскраске и

плававшей в зеленом бульоне из сока сельдерея, умял «курицу с золотистым блеском» — с закрытыми глазами и золотисто-желтой корочкой, разобрался с лоснящимся от жира красным карпом, который еще открывал рот, прошелся по приготовленным на пару моллюскам, искусно сложенным в форме пагоды, а еще приговорил тарелку краснобокой редиски, будто только что с грядки... Во рту смешалось сладкое и жирное, скользкое и липкое, приторное и кислое, горькое, острое, соленое, душа исполнилась самых разных чувств, материальный взгляд покачивался на поверхности клубящейся ароматной дымки, а парящее в воздухе око сознания отмечало разнообразные элементы каждого цвета, самые разные по форме частицы запаха, их безграничное движение в ограниченном пространстве. Все вместе они образовали геометрическое тело, аналогичное пространству банкетного зала, а некоторые, конечно, осели на обоях, занавесах, диванных чехлах, светильниках, на ресницах девиц в красном, на лоснящихся лбах партсекретаря и директора, на всех этих прежде бесформенных, а теперь имеющих форму потоков света, которые изгибаются, колышутся...

Потом вроде бы многопалая, похожая на осьминога рука предложила ему бокал красного вина. Отдав последние силы на эту мучительную работу, остатками сознания, которое еще теплилось в оболочке тела, он сумел заставить свое уже отлетевшее «я» увидеть, как эта рука вращается находящими друг на друга, словно лепестки розового лотоса, слоями.

Бокал тоже распался на несколько ярусов, будто изящная пагода или выполненная в особой технике фотография, когда на сравнительно стабильный и глубокий ярко-красный фон наплывает бледная красноватая дымка. Нет, это не бокал вина, а показавшееся из-за горизонта солнце, величественный в своей спокойной красоте огненный шар, сердце любимого человека... Вот и пиво в стакане уже не пиво, а луна – она только что висела в небе, а теперь проникла в банкетный зал, коричневато-желтая, круглая, – распухшее до невероятных размеров помéло, желтый шар в бесчисленных мягких шипах, пушистая лиса-оборотень... С презрительной усмешкой его сознание зависло под потолком: оно прорвалось наконец через разносимые кондиционером прохладные воздушные массы, мешавшие достичь самой верхней точки, постепенно остыло, и у него появились крылья с несравненной красоты внешним узором. Вырвавшееся из брэнного тела, оно расправило их и воспарило. Оно задевало шелковые занавеси на окнах – конечно, его крылья были тоньше, мягче и ярче, – касалось стеклянных подвесок на люстрах, дотрагивалось до алых губ девиц в красном, до торчащих маленькими вишенками сосков, добиралось и до других, более сокровенных, более скрытых мест. Следы его прикосновений оставались везде: на чайных кружках, на винных бутылках, на стыках в полу, между прядями волос, в порах фильтров сигарет «чжунхуа»... Оно оставляло свой запах, как метящий свои владения жадный зверек. Оно распростер-

ло крылья и не знало преград: имея форму и не имея ее, оно задорно и легко проникало из одного звена цепи, на которой была подвешена люстра, в другое – из звена *A* в звено *B*, из звена *B* в звено *C*. Стоит лишь захотеть, и кружись в любом направлении, циркулируй туда-сюда и беспрепятственно забирайся куда угодно. Но эти забавы ему надоели. Оно пробралось под юбку пышнотелой девицы в красном и прохладным дуновением погладило её ляжки, на которых выступила «гусиная кожа». Ощущение скользкости исчезло, его сменило ощущение сухости, и сознание взмыло вверх, зажмурившись, пролетело над лесом, с шелестом задевая крыльями зеленые кроны. Оно могло летать и менять форму, поэтому ему не страшны были ни высокие горы, ни великие реки, оно свободно проникало и в игольное ушко, и в замочную скважину. Порезвившись между холмиками груди той самой симпатичной официантки и поиграв красной родинкой, из которой росли три тонких рыжих волоска, оно пошало с десятью капельками пота и наконец, забравшись к ней в ноздрю, принялось играть своими усиками росшими в носу волосами.

Девушка в красном громко чихнула, и сознание Дин Гоуэра пулей отнесло в сторону, прямо на кактус, стоявший на третьем уровне банкетного стола. Силой противодействия его отбросило назад, словно кактус шлепнул его усыпанной колючками ладонью⁵¹. У Дин Гоуэра ужасно заболела голо-

---

⁵¹ В китайском слово, обозначающее «кактус», дословно переводится как «ла-

ва, живот схватило, там все забурлило, словно образовались бесчисленные пенящиеся водовороты, все тело зачесалось и пошло пятнами, как при краснухе. Сознание опустилось ему на голову отдохнуть, переводя дух и всхлипывая. Взор сознания потух, глаза Дин Гоуэра вновь обрели способность видеть, и перед ним возникли партсекретарь и директор с поднятыми рюмками. Они смотрели на него сверху вниз, и их голоса грохотали оглушительным ревом прибоя, эхом отражаясь от всех четырех стен, где они разбивались, словно пенистые валы о скалы, и доносились голосом мальчика-пастушка, стоящего на вершине и пытающегося собрать забредших далеко в горы овец.

– Товарищ Дин, старина, на самом деле мы одна семья, единоутробные братья, а родные братья должны и пить в свое удовольствие. Жить надо в удовольствие, радоваться всю, шагать к могиле в радости и веселии... Ну, еще давай... Чарочек тридцать... От имени замначальника отдела Цзиня... Тридцать чарочек за тебя... Пей, пей... Кто не пьет – не мужик... Цзинь, цзинь, цзинь... Цзинь Ганцзуань пить умеет... Он человек уважаемый, целое море выпить может... Без конца, без края...

Цзинь Ганцзуань! Это имя алмазным сверлом пробуравило сердце Дин Гоуэра, от резкой боли рот раскрылся, и вместе с потоком мутной жидкости стали выплескиваться жуткие слова:

– Волчара этот... – Новый позыв рвоты. – Младенцев пожирает... – Еще позыв. – Волчара!

Сознание перепуганной пташкой впорхнуло в свое гнездышко; в животе все перекрутило – боль неопишуемая. По спине легонько постукивали два кулака, его снова вывернуло... Вино... Слизь, слезы и сопли, сладкие и солоноватые, тягучие и нескончаемые, а перед глазами блистает бирюзой водная гладь.

– Вам получше, товарищ Дин Гоуэр?

– Товарищ Дин Гоуэр, вам хоть чуточку лучше?

– Давайте, давайте, поднатужьтесь, пусть до конца вырвет эту горечь!

– Надо, надо проблеваться, это полезно для здоровья.

Подперев его с обеих сторон, партсекретарь с директором колотили ему по спине, бубня в уши слова утешения и увещевая, – этикие деревенские фельдшеры, которые спасают наглотавшегося воды ребенка, молодые учителя, наставляющие юнца, который сбился с пути истинного.

После того как Дин Гоуэр выдавил из себя немного зеленоватой жидкости, одна официантка в красном влила ему в рот чашку зеленого чая «лунцзин»; другая попотчевала желтым выдержанным шаньсийским уксусом; то ли партсекретарь, то ли директор запихнул ему в рот кусочек засахаренного лотоса; то ли директор, то ли партсекретарь сунул ему под нос ломтик груши-«снежинки»⁵² в меду. Одна деви-

---

⁵² Груша-«снежинка» – традиционный продукт провинции Хэбэй, использует-

да в красном тщательно вытерла ему лицо махровым полотенцем, обработанным освежающим мятным маслом; другая убрала грязь на полу; третья вытерла остатки грязи шелковой ватой с дезодорантом; четвертая собрала со стола грязные тарелки и рюмки, а пятая расставила новые приборы.

Эта серия проявлений молниеносного обслуживания настолько растрогала Дин Гоуэра, что в душе он пожалел о том, что вырвавшихся вместе с вином резких словах и уже собрался было вежливо попросить извинения, как вдруг до него донесся голос то ли партсекретаря, то ли директора:

– Товарищ Дин, старина, как вам наши официантки?

Смутившись, Дин Гоуэр оглядел нежные, как бутоны, лица девушек и стал сыпать комплиментами:

– Прекрасные официантки! Замечательные! Чудесные!

Наверняка давно вышколенные, девицы в красном, словно стайка голодных щенков или отряд юных пионеров, несущих цветы почетным гостям, роем устремились к столу. Пустых рюмок на всех трех ярусах стола было полно, и девицы, схватив по рюмке – кто большую, кто маленькую, – наполнили их – кто красным вином, кто желтым рисовым, кто водкой, кто до краев, кто чуть-чуть – и хором – одни высокими голосами, другие низкими – стали произносить тосты в честь Дин Гоуэра.

У того все тело покрылось липким потом, губы застыли и язык не ворочался. Он не мог вымолвить ни слова, оста-

валось лишь, сжав зубы и вытаращив глаза, влить в себя это одурманивающее зелье. Не зря говорят: «И полководцу не справиться с заставой красавицы». Одно мгновение – и...

Теперь стало совсем не по себе: в черепе опять зашевелился и снова стал протискиваться через отверстие в макушке демон-подстрекатель. Вот что значит «душа не на месте». Мучительная мысль о том, что душа сейчас будет болтаться где-то под потолком, вызвала настоящий ужас, захотелось даже закрыть руками то место на макушке, через которое она его покидала. Но хвататься за голову неприлично, и тут промелькнула мысль о бейсболке, в которой он тогда, в грузовике, подбивал клинья к шоферице. Бейсболка напомнила о папке с документами и о черном пистолете в ней, отчего под мышками выступил обильный пот. Он стал судорожно оглядываться, что привлекло внимание одной смышленной девицы, и она неизвестно откуда достала папку. Приняв ее и ощупав, он убедился, что железный друг по-прежнему на месте, и потоотделение тут же прекратилось. Бейсболки не было. Отчетливо вспомнился сторожевой пес у ворот. Вахтер на проходной, молодой человек в отделе безопасности, склад круглого леса, подсолнухи – все это было где-то далеко-далеко, и кто его знает, видел ли он все это на самом деле или во сне. Когда он со всей осторожностью сжал папку коленями, словно по велению мятущегося духа, который вынашивал измену и бегство, перед глазами стал ярко вспыхивать свет – вспыхивать и гаснуть, из-за чего все вокруг виделось

то четко, то неясно. У себя на коленях он заметил множество жирных пятен и следов грязи, которые представляли то ярко освещенной картой Китая, то затемненной картой Явы⁵³, и хотя что-то было изображено неверно, он силился поставить все на свои места. Хотелось, чтобы карта Китая всегда была яркой и четкой, а карта Явы – темной и неразборчивой.

Ко времени появления Цзинь Ганцзуаня, замначальника отдела пропаганды горкома Цзюго, у Дин Гоуэра не на шутку разболелся живот. Что-то непонятным образом скрученное вертелось и перемещалось внутри в разные стороны: что-то колющее – ой какое колющее! – что-то липкое – ой какое липкое! – что-то спутанное, переплетенное растягивалось и волочилося да еще пошипывало при этом. Просто клубок ядовитых змей какой-то. Было ясно: с кишечником происходит черт знает что. А тут еще сознание услужливо подбрасывало образы: полыхающий огонь, облысевшая метла, со скрежетом вычищающая стенки желудка будто расписной ночной горшок, покрытый толстым слоем грязи. «Ой, мама дорогая! – стонал про себя следовательно. – Ну это же просто невыносимо, до чего мне не везет сегодня! Ведь в какую западню я угодил на этой шахте! В западню из угощения и вина! В западню из красивых лиц!»

Согнувшись в три погибели, Дин Гоуэр встал, но ног под

---

⁵³ Имеется в виду государство, существовавшее в древности на территории одноименного острова. Из-за удаленности от Китая четкого представления о его границах не было.

собой не чуял, и по этой причине трудно было сказать, что заставило его сесть обратно. Ноги или мозг? Сверкающие взгляды девиц в красном? Или на плечи навалились партсекретарь с директором?

Плюхнувшись на стул, он услышал, словно издалека, как внизу, под задом, что-то скрипнуло. Девушки в красном зажали рты ладонями и захихикали. Он готов был вспылить, но сил не осталось: у тела происходил развод с сознанием, а может быть – опять за старое! – может, изменническое сознание снова собралось сбежать. В этот тягостный и неудобный момент двери в банкетный зал, обитые для звукоизоляции темно-красной искусственной кожей, отворились и вошел Цзинь Ганцзуань. Сияя алмазным блеском и распространяя вокруг запах денег, он явился, как дыхание весны, как солнечный луч, как воплощенный идеал, как надежда.

Прилично выглядящий мужчина средних лет, смуглокожий, узкое лицо, нос с горбинкой. Сквозь темно-коричневые очки в серебристой оправе с кристаллическими линзами в ярком свете люстр двумя бездонными колодцами чернели глаза. Среднего роста, новый, с иголки, темно-синий костюм, белоснежная рубашка и галстук в сине-белую полоску, начищенные до блеска черные кожаные туфли, пышная шапка волос – не то чтобы взлохмаченных и не то чтобы приглаженных, – сияющий во рту медный, а может, золотой зуб. Вот таков, вкратце, был Цзинь Ганцзуань.

Мгновенно вышедший из ступора Дин Гоуэр понял: «Это

судьба, вот настоящий противник».

Партсекретарь и директор стремительно вскочили, аж стукнулись о край стола. Кто-то в спешке смахнул рукавом стакан с пивом, темно-желтая жидкость разлилась по скатерти и попала на колени. Им было не до того. Отставив стулья, они ринулись с обеих сторон стола навстречу вошедшему. Еще до того как разлилось пиво, раздались их радостные крики: «Начальник отдела Цзинь пришел!»

Звонкий смех вошедшего раскатывался волна за волной, воздух в зале сжимался, сжалась и прекрасная бабочка на голове Дин Гоуэра. Вставать он не собирался, но встал. Улыбаться не хотелось, но лицо расплылось в улыбке. С этой улыбкой Дин Гоуэр и поднялся навстречу вновь прибывшему.

– Познакомьтесь: начальник отдела пропаганды горкома Цзинь, а это следователь по особо важным делам провициальной прокуратуры Дин Гоуэр, – почти хором представили их друг другу партсекретарь и директор.

– Прошу прощения за опоздание, – с фривольной улыбочкой произнес Цзинь Ганцзуань, сжав на груди кулаки в старинном приветствии.

И протянул руку Дин Гоуэру. Тот за руку здороваться не собирался, но протянутую руку пожал. «Лапа этого предводителя демонов – пожирателей младенцев должна быть холодной как лед, – подивился он про себя. – Почему же она тогда такая мягкая и теплая? И приятно влажная...»

– Добро пожаловать, добро пожаловать! – услышал он обращенные к нему приветствия Цзинь Ганцзуаня. – Давно и почтительно ждал встречи, много слышал о вас!

Когда все снова расселись, Дин Гоуэр стиснул зубы. «Нужно сохранять трезвую голову, больше ни рюмки. Начинать уже работать!» – скомандовал он себе.

Теперь он сидел рядом с Цзинь Ганцзуанем и до предела усилил бдительность. «Эх, Цзинь Ганцзуань, Цзинь Ганцзуань, какую бы несокрушимую твердыню ты собой ни являл, на какой бы короткой ноге ты ни был с сильными мира сего, как бы глубоко ни пустил корни, как бы широко ни раскинул сети, а коль попал ко мне в руки, спуску я тебе не дам. Если мне туго придется, то и остальным мало не покажется!»

Цзинь Ганцзуань взял инициативу на себя:

– Раз опоздал, мне тридцать штрафных!

Ошарашенный Дин Гоуэр повернулся то ли к партсекретарю, то ли к директору. Тот понимающе улыбался. Девушка в красном принесла на подносе новый набор поблескивающих рюмок и поставила перед Цзинь Ганцзуанем. Другая – с графином водки в руках, этаким кивающим фениксом, – наполнила их. Видно было, что опыта ей не занимать: наливала она уверенно, точно и решительно, не пролив ни капли. Последнюю рюмку она налила, когда еще не исчезли крохотные жемчужинки пузырьков в первой. Будто диковинные цветы распустились перед Цзинь Ганцзуанем. Дин Гоуэр был в полном восторге. Сначала от мастерства официантки, изыскан-

ного и бесподобного, потом – от молодцеватости и смелости Цзинь Ганцзуаня. Видать, и впрямь без алмазного сверла к фарфору не подступайся: не умеешь – не берись.

Цзинь Ганцзуань скинул пиджак, который тотчас унесла одна из девиц, и обратился к следователю:

– Товарищ Дин, дружище, как вы думаете, в этих тридцати рюмках минералка или водка?

Дин Гоуэр принялся, но обоняние будто притупилось.

– Чтобы узнать вкус груши, нужно ее попробовать; чтобы понять, настоящая водка или нет, надо выпить. Прошу вас, выберите из этих рюмок три.

Из материалов дела Дин Гоуэр знал, что Цзинь Ганцзуань по этой части не промах, но сомнения одолевали, к тому же подзуживали сидевшие с обеих сторон. Поэтому он выбрал из всей этой батареи три рюмки и попробовал содержимое, обмакнув кончик языка. «Ароматная, крепкая – стало быть, всё без дураков».

– Придется эти три рюмки выпить, товарищ Дин, старина! – заявил Цзинь Ганцзуань.

– Так уж заведено, раз попробовали, – поддакнули с одной стороны.

– Выпили – не страшно, пролили – не страшно, а вот выливать такое добро просто грех, – добавили с другой.

Пришлось Дин Гоуэру осушить три рюмки.

– Спасибо, большое спасибо, – поблагодарил Цзинь Ганцзуань. – Теперь мой черед!

Он поднял рюмку и неслышно выпил. Губ не мочил и не пригубил, ни капли не пролил и ни капли не оставил,пил честно, красиво и изящно. Сразу видно: в делах питейных настоящий мастер. С каждой рюмкой темп увеличивался, но движения оставались такими же точными, выверенными и ритмичными. Подняв последнюю, он неторопливо описал перед грудью красивую дугу, словно проведя смычком по струнам скрипки. В банкетном зале полились прелестные низкие звуки, растекаясь по жилам Дин Гоуэра. Бдительность понемногу таяла, и, подобно тому как потихоньку пробивается во льду у края ручейка первая весенняя трава, росли теплые чувства к Цзинь Ганцзуаню. Когда тот поднес к губам последнюю рюмку, в его ясных карих глазах мелькнула грусть. Этот человек стал добрым и щедрым, распространяя вокруг легкое дыхание печали, лиричной и прекрасной. Звучат заунывные переливы мелодии, прохладный осенний ветерок играет золотом палой листвы, перед надгробным памятником распускаются маленькие белые цветы. Глаза Дин Гоуэра увлажняются, будто в этой рюмке он увидел чистый источник, бьющий из скалы и впадающий в глубокое лазурное озеро. Он начинал любить этого человека.

Партсекретарь и директор хлопали в ладоши и издавали одобрительные возгласы. Переполненный богатыми поэтическими впечатлениями Дин Гоуэр не сказал ни слова. На какое-то время повисла тишина. Четверо официанток в красном стояли не шелохнувшись, словно четыре прислу-

шивающихся, погруженных в раздумье, не похожих друг на друга цветка канны⁵⁴. Тишину нарушало лишь странное гудение кондиционера. Партсекретарь и директор стали громко предлагать Цзиню выпить еще тридцать рюмок, но тот покачал головой:

– Нет, этого я делать не стану, да и чего зря добро переводить. А вот первую встречу с товарищем Дином следует отметить – три раза по три.

Забыв обо всем, Дин Гоуэр смотрел на этого человека: выпил тридцать рюмок подряд и даже не поморщился. Он был настолько заворочен его манерами, настолько очарован звучанием его голоса, настолько погружен в мягкое свечение его медного или золотого зуба, что до него не сразу дошло, что трижды три будет девять.

Перед ним поставили девять наполненных рюмок. Перед Цзинь Ганцзуанем – столько же. Сил противиться обаянию этого человека уже не осталось, тело и сознание вступили в конфликт. Сознание вопило: «Не смей пить!» – а рука знай опрокидывала рюмки в рот.

Когда все девять разлились в желудке, на глаза навернулись слезы. «С чего это вдруг, да еще на банкете? Никто не бил, никто не ругал – чего плакать-то? Да я и не плачу. Подумаешь, один раз слезы потекли, так сразу и плачу?» Но слезы текли все пуще, и вскоре все лицо было мокрым, словно

---

⁵⁴ *Канна* – тропическое растение с крупными, яркими асимметричными цветками, используется как декоративное.

лист после дождя.

– Подавайте рис, а когда товарищ Дин откушает, дайте ему отдохнуть, – донеслись слова Цзинь Ганцзуаня.

– Так ведь основное блюдо еще не подавали!

– Ага... – Цзинь Ганцзуань задумался. – Ну так подавайте, и быстро!

Официантка в красном убрала кактус. Две других внесли большой круглый позолоченный поднос, на котором, поджав ноги, сидел маленький мальчик; от него исходил удивительный аромат, а с золотисто-желтого тела стекало масло.

Уважаемый наставник Мо Янь!

Письмо Ваше получил. Премного признателен за то, что нашли время ответить лично, а также за то, что так быстро рекомендовали мой рассказ в «Гражданскую литературу». Не сочтите за пьяное сумасбродство – возможно, это нехорошо, – но я считаю, что этот рассказ исполнен духа творческой новизны, духа сути вина, полон революционного духа, и если «Гражданская литература» не опубликует его, значит, редакторы слепы.

Прочел рекомендованную Вами книжку господина Ли Ци «Не смейте считать меня собакой». Дерьмо это собачье. Честно говоря, разозлила она меня донельзя. Этот Ли Ци бесстыдно попирает возвышенную, священную литературу, и если терпеть такое, что же тогда считать нетерпимым?! Пусть только встретится мне когда-нибудь, вот уж разверну с ним дискуссию не на жизнь, а на смерть, приведу такие возражения, что он у меня дара речи лишится, пикнуть не посмеет. А потом еще и поколочу этого типа так, что кровь хльнет из всех семи отверстий⁵⁵, весь будет в синяках и ссадинах, небо с овчинку покажется. Бить буду, пока не станет ни жив ни мертв, когда, как говорится, один будда приходит в мир, а другой

---

⁵⁵ Имеется в виду семь отверстий головы.

отходит в нирвану.

Наставник, Вы абсолютно правы, когда пишете, что прилежное изучение специальности сулит мне в Цзюго блестящее будущее: не будет недостатка в еде и одежде, появится дом, положение, деньги и красивые женщины. Но я человек молодой, у меня свои идеалы и нет никакого желания всю жизнь киснуть в вине. Я хочу быть как Лу Синь, который ради литературы оставил карьеру врача. Я поставил себе цель бросить вино и заняться литературой, чтобы с ее помощью изменить общество подобно сдвинувшему горы Юй Гуну⁵⁶, изменить национальное самосознание китайцев. Во имя этой высокой цели я готов сложить голову и пролить кровь. А если мне даже голову сложить не жалко, так что говорить о другом!

Наставник, я твердо решил заниматься литературой, и меня не повернуть назад даже десятком могучих скакунов. Как говорится, базарная баба гирьку проглотила – стала твердой как железо⁵⁷, и отговаривать меня не нужно. Если Вы все же решитесь на это, мои чувства к Вам сменятся ненавистью. Литература – дело народное, неужели кому-то можно ею заниматься, а мне нельзя?! Одна из важных целей коммунизма, которую предвидел

---

⁵⁶ Выражение «Юй Гун сдвинул горы» символизирует нестигаемую волю. Легендарному старику Юй Гуну, который решил сровнять с землей мешавшие ему горы, помогли посланные Небом двое бессмертных.

⁵⁷ В подобном идиоматическом выражении – недоговорке-иносказании (т. н. сехоуэй) – вторая половина, объясняющая смысл первой, обычно опускается.

Маркс, – слияние искусства с трудом и труда с искусством, и, когда мы придем к коммунизму, писателями станут все. Конечно, сейчас мы на начальном этапе⁵⁸, но ведь законы начального этапа ничего не говорят о том, что кандидатам виноведения не разрешается писать романы. Вам, наставник, ни в коем случае не следует брать пример с этих негодных ублюдков, которые, сделав себе имя, пытаются монополизировать литературный мир и приходят в ярость, стоит им увидеть, что другие тоже пишут. Народная мудрость гласит: «Как одни валы на Янцзы уступают место другим, как одна волна следует за другой в потоке, как новые листья в лесу заменяют старые, так и молодые в конце концов возобладают над старшим поколением». Любой реакционер, пытающийся подавить зарождающиеся силы, подобен богомолу, который силится остановить колесницу⁵⁹.

Наставник, у нас в лаборатории одна женщина заведует справочными материалами. Зовут ее Лю Янь, и она считает себя Вашей ученицей. Говорит, что посещала Ваши занятия, когда Вы были политинструктором в Баодинском училище младшего офицерского состава. От нее я узнал немало интересного, и в результате у меня сложилось более полное представление о Вас. Она рассказала, как Вы честили перед аудиторией нашего знаменитого

---

⁵⁸ Имеется в виду начальный этап модернизации китайского общества.

⁵⁹ Образное выражение для обозначения невыполнимой задачи.

писателя Ван Мэна⁶⁰, который, по Вашим словам, в своей статье в еженедельном приложении к газете «Чжунго циннянь бао»⁶¹ призывал молодых авторов сойти с выбранного ими пути, где и без того тесно. Она вспоминала, как Вы тогда гневно обрушились на него: «Разве можно, чтобы в литературе царил один Ван Мэн? Если есть еда, едят все, есть одежда – все одеваются. Мне предлагают отступить, а я хочу идти вперед!»

Наставник, узнав об этом связанном с Вами выдающемся факте, я одним духом осушил пол-литра виноградного вина. Настолько это меня взволновало, что все десять пальцев задрожали; кровь горячим потоком забурлила в жилах, уши покраснелись, как лепестки пиона. Ваши слова, словно звонкий зов рога, будто ревущий порыв ветра, разбудили во мне боевой дух. Хочу, как и Вы в свое время, спать на хворосте и лизать желчь⁶², чтобы искры из глаз сыпались, привязывать себя за волосы к балке и бить по ноге молотком⁶³, хочу «сделать кисть штыком»⁶⁴. Умру, но

---

⁶⁰ Роман «Страна вина» опубликован в 1993 г. и отражает немало событий конца 1980-х. Ван Мэн в 1986–1989 гг. занимал пост министра культуры.

⁶¹ «Китайская молодежь».

⁶² То есть терпеть трудности ради великой будущей цели; по притче о Гоу Цзяне, князе Юэ, который спал на хворосте и лизал повешенный у двери желчный пузырь, чтобы не забывать о необходимости свергнуть кабалу победившего его княжества У.

⁶³ По преданию, так заставлял себя учиться в затворничестве легендарный стратег эпохи Троецарствия Су Цинь (380–284 до н. э.).

не отступлюсь, пусть не добьюсь успеха, погибну за идею.

Наставник, когда я слушаю рассказы Лю Янь о том, каким Вы были тогда, и перечитываю Ваше письмо, меня охватывает печаль и разочарование: разве Вы призываете меня не к тому же, что советовал в свое время молодым литераторам (в том числе и Вам) Ван Мэн? Это повергло меня в ужасные переживания. Наставник, о наставник, умоляю, не стоит, подобно этим бесстыдным типам, как говорится, отбрасывать посох нищего, которым отгоняют собак, и набрасываться на других нищих. В прошлом, наставник, Вы, думаю, тоже ходили тощий, как обезьяна, одни жилы выступали от голода, Вы тоже из тех, кто хлебнул трудностей и лишений на стезе литературы. Поэтому не надо забывать о пережитых страданиях, так как Вы можете потерять не только мою любовь и уважение, но и уважение десятков тысяч молодых литераторов.

Наставник, вчера вечером написал еще одну вещь – «Мясные дети». Мне кажется, в этом рассказе я уже приблизился к стилю Лу Синя и перо в моей руке стало острым тесаком, которым я снимаю с загнивающей морали привлекательную оболочку так называемой «духовной цивилизации» и обнажаю ее варварскую суть. Этот рассказ относится к категории «сурового реализма». И

---

⁶⁴ Фраза из популярной речевки цзаофаней («смутьянов») на начальном этапе «культурной революции».

написал я его как вызов «босаяцкому» направлению⁶⁵ в сегодняшней «развлекательной литературе», чтобы словом воззвать к опыту народных масс. Я задумал нанести страшный удар по всем этим нашим заплывшим жиром продажным чиновникам здесь, в Цзюго, и этот рассказ, без сомнения, – «луч света в темном царстве», сегодняшние «Записки сумасшедшего»⁶⁶. Если найдется издание, которое решится напечатать его, он наверняка произведет потрясающий эффект, который многим откроет глаза. Посылаю рассказ вместе с письмом и прошу подвергнуть его всеобъемлющей критике. «Настоящий материалист ничего не боится»⁶⁷, поэтому, наставник, никакой обходительности, как с женищинами, или метания между двух огней. Прямо высказывайте свою точку зрения, и не надо мямлить и ходить вокруг да около, боясь кого-то задеть, – как говорится, кинул бы камнем в крысу, да как бы посуду не перебить, – никаких озираний по сторонам, выкладывайте всё начистоту, это одна из славных традиций нашей партии.

Если, прочитав «Мясных детей», Вы сочтете, что уровень рассказа достоин публикации, поищите, пожалуйста, куда бы его пристроить. Конечно, я понимаю, связи сегодня нужны, даже чтобы

---

⁶⁵ Пример «босаяцкого (хулиганского)» направления, когда в литературе «все дозволено», – творчество писателя Ван Шо (род. 1958).

⁶⁶ «Записки сумасшедшего» – известный рассказ Лу Синя.

⁶⁷ Цитата из Мао Цзэдуна.

покойника в крематорий отправить, что уж говорить о публикации рассказа. Так что, наставник, не стесняйтесь и смело налаживайте их. Если нужно сводить кого-то в ресторан или сделать подарок – все расходы будут оплачены (не забудьте взять чек).

Наставник, «Мясные дети» – плод моих огромных усилий, я в этот рассказ всю душу вложил, так что лучше всего послать его в «Гражданскую литературу». Я так рассуждаю: во-первых, «Гражданская литература» – ведущее издание литературных кругов Китая, оно определяет все новые литературные течения, и опубликовать что-то там будет покруче двух публикаций в провинциальных или городских изданиях. Во-вторых, чтобы взять штурмом «Гражданскую литературу», эту неприступную крепость, я буду придерживаться тактики, как говорится, бить в одну точку и не обращать внимания на остальное!

С уважением и пожеланиями мира и покоя, Ваш ученик Ли Идоу

Р. С. Наставник, у меня тут приятель едет по делам в Пекин, так я попросил отвезти Вам ящик (двенадцать бутылок) лучшего, что есть у нас в Цзюго, – вина «Люй и чун де»⁶⁸ в разработке которого я принимал участие. Пожалуйста, попробуйте.

---

⁶⁸ «Люй и чун де» – досл. «рой зеленых мошек». Образ из стихотворения Бо Цзюйи (772–846) – китайского поэта династии Тан, в котором он приглашает друга выпить молодого вина.

Уважаемый доктор виноведения, здравствуйте!

Благодарю за поднесенное «Люй и чун де»: и цвет, и букет, и вкус превосходные. Только вот складывается ощущение, что нет какой-то общей гармонии, как в женщине, у которой вроде и черты лица правильные – не скажешь, что не красавица, – а вот какого-то невыразимого очарования нет. В моих родных местах тоже производят вино неплохого качества, но его, конечно, не сравнить с вашим в Цзюго. Отец рассказывал, что до Освобождения⁶⁹ в нашей крохотной деревушке с какой-то сотней жителей было две винокурни, где производили вино из гаоляна, и у каждой – своя марка. Одна винокурня называлась «Цзунцзи», другая – «Цзюйюань». На них работало несколько десятков рабочих, были и мулы, и лошади, в общем уйма всего. А что касается изготовления желтого вина из проса, так этим занималась, почитай, вся деревня, вот уж поистине, «в каждом доме винный аромат, в каждом дворе сладкий источник»⁷⁰. Один из двоюродных братьев отца однажды подробно рассказал мне, как тогда на винокурнях делали вино и как ими управляли: он

---

⁶⁹ То есть до образования в 1949 г. Китайской Народной Республики.

⁷⁰ Строка из стихотворения Су Дунпо (1037–1101) – знаменитого китайского поэта эпохи Сун.

большие десяти лет проработал на «Цзуңзи». Его объяснения стали ценнейшим материалом при работе над повестью «Гаоляновое вино». Этот винный дух, витавший над родной деревней во все времена ее истории, дарил мне вдохновение.

Тема вина мне очень интересна, к тому же я серьезно занимаюсь вопросом связи между вином и культурой. Результаты моих изысканий более или менее отражены в «Гаоляновом вине». Сейчас я задумал роман о вине, и надо же – познакомился с Вами, кандидатом виноведения. Это, можно сказать, удача, какой не бывает и в трех жизнях. Теперь, наверное, я буду обращаться к Вам за наставлениями, поэтому, надеюсь, Вы уже больше не будете называть меня наставником.

Ваше письмо и рассказ «Мясные дети» прочел и хочу поделиться немалым числом появившихся в связи с этим соображений. Сначала о Вашем письме:

1. Я считаю, такие человеческие проявления, как сумасбродство и скромность, одновременно и противоречат друг другу, и взаимозависимы, поэтому трудно сказать, что хорошо, а что плохо. На самом деле, тот, кто кажется сумасбродом, в действительности может быть очень скромен; а тот, кто вроде бы скромн, в глубине души, возможно, большой сумасброд. Есть люди, которые при одних обстоятельствах проявляют себя крайними сумасбродами, а в другое время и при других обстоятельствах предельно скромны. Абсолютного

сумасбродства и постоянного уровня скромности скорее всего не существует. Что касается Вашего, любезный, «пьяного сумасбродства», то в большой степени это результат химической реакции, и упрекнуть Вас, наверное, не в чем. Так что к Вашему великолепному самочувствию после выпитого вина я отношусь прекрасно, и то, что, выпив, Вы несколько раз проились по адресу «Гражданской литературы», тоже не нарушает никаких известных мне установлений, тем более что Вы не выражались в адрес их матерей, а только сказали, что «если журнал не опубликует его, значит, редакторы слепы».

2. У господина Ли Ци, написавшего роман в таком духе, есть на то свои резоны, и если Вам не нравится, просто отложите в сторону и не читайте. Если когда-нибудь встретите его, поднесите пару бутылок «Люй и чун де», чтобы отделаться, и скройтесь. И ни в коем случае не надо впадать в революционный романтизм и вступать с ним в какие-либо «дискуссии не на жизнь, а на смерть». Тем более не стоит лезть в драку. Этот малый владеет приемами багуацюань⁷¹, у него тесные связи с криминальным миром, человек он злобный и безжалостный и ни перед чем не остановится. Говорят, в Пекине один зажравшийся литературный критик написал от нечего делать статью, в которой раскритиковал творчество Ли Ци. Так не прошло и трех дней со дня опубликования этой статьи, как Ли Ци со своей шайкой продал жену этого критика в

---

⁷¹ Багуацюань – один из видов китайского боевого искусства ушу.

проститутки в Таиланд. Поэтому, умоляю, пока не поздно, – не суйтесь. На этом свете много таких, кого и небесный правитель предпочитает не трогать. Ли Ци как раз из них.

3. Если уже Вы твердо решили заниматься литературой, раз «базарная баба гирьку проглотила», уговаривать Вас, как блудного сына, вернуться на прежнюю стезю больше не смею, да и не хочется, чтобы Вы начали меня ненавидеть. Если невольно спровоцируешь чью-то неприязнь, тут уж ничего не поделаешь, а вот идти к этому намеренно значит, как говорится, глядя в зеркало, закатывать глаза. Я и так не красавец, зачем мне еще глаза закатывать?

То, что Вы кроете почем зря этих «негодных ублюдков», которые хотят «монополизировать литературный мир», меня абсолютно не волнует. Если бы кто-то из них действительно задумал это, я ругал бы его вместе с Вами.

Что касается моего преподавания в Баодинском военном училище десять с лишним лет назад, то я слышал, что мои занятия посетили несколько сот курсантов, и вроде помню двух курсанток по имени Ли Янь: одна светленькая, всегда с вытаращенными глазами, другая – посмуглее, низкорослая толстушка, – не знаю, которая работает вместе с тобой.

А вот чтобы я в аудитории ругал Ван Мэна – такого не припомню. Ну да, его статью, в которой он предлагает молодым литераторам провести трезвую самооценку, судя по всему, читал, и вполне возможно,

что в те времена принял подобную статью близко к сердцу и переживал в душе. Но ругать Ван Мэна на лекциях, где я занимался пропагандой коммунизма, — такого просто быть не может.

На самом деле я до сих пор не отбросил «посох нищего» и думаю, что если когда-нибудь и отброшу, то уж никак не стану «набрасываться на других нищих». Гарантии, конечно, дать не могу, потому что человек меняется, и перемены эти часто зависят не от него.

Теперь о Вашем произведении:

1. Вы определяете его как «суровый реализм». Нельзя ли объяснить, в чем этот «изм» заключается? Я не до конца понимаю, что это такое, хотя в общем смысл ясен. От описанного в рассказе оторопь берет, и хорошо, что это лишь литературное произведение. Напиши Вы нечто подобное в жанре «литературы факта», то точно быть беде.

2. Что до того, годится ли произведение для публикации или нет, здесь обычно применяются два критерия: с точки зрения политики и с точки зрения искусства. Оба эти подхода для меня непонятны. Непонятны, и всё тут. Так что ничего я не «хожусь вокруг да около». В «Гражданской литературе» собралось множество талантов, и Вам стоит прислушаться к их критическим отзывам.

Ваше произведение я уже отослал в редакцию этого журнала. А что касается приглашений в ресторан и подношения подарков, так это целая наука, я в этом не разбираюсь. И выяснять, работает ли подобный

*подход по отношению к таким крупным изданиям,
как «Гражданская литература», Вам, видимо, следует
самому.*

Желаю удачи!

Мо Янь

4. «Мясные дети»

Осень. Раннее утро. В небе появился месяц и повис на западе наполовину растаявшей ледяной глыбой с нечеткими краями. Холодные лучи света заливают погруженную в глубокий сон деревню Цзюсянцунь⁷². В чем-то курятнике глухо, словно из глубокого подпола, прокричал петух.

Этот звук все же заставил испуганно вздрогнуть жену Цзинь Юаньбао. Она села, завернувшись в одеяло, и тревожно огляделась спросонья. Через окно лился зеленоватый-белый лунный свет и отпечатывался на черном одеяле мертвенно-бледными квадратами. Справа торчали холодные как лед ноги мужа. Она накрыла их, подтянув уголок одеяла. Слева ровно похрапывал свернувшийся калачиком Сяо Бао⁷³.

Донесся еще один петушиный крик, еще более далекий и глухой; она поежилась, торопливо встала, натянула одежду и, выйдя во двор, подняла голову к небу. Три звезды на западе, на востоке взошли Семь Сестер⁷⁴, скоро рассвет.

Она растолкала мужа:

– Вставай давай, и побыстрее, уже Семь Сестер показались.

---

⁷² Цзюсян – досл. «винный аромат»; цунь – деревня.

⁷³ Сяо Бао – досл. «маленькое сокровище».

⁷⁴ Семь Сестер – звездное скопление Плеяды (Стожары) в созвездии Тельца.

Тот перестал храпеть, несколько раз облизнул губы и сел, ошалело озираясь:

– Что, светает уже?

– Скоро рассветет. Отправляйся-ка чуть пораньше, чтобы не как в прошлый раз – зря мотаться туда и обратно.

Он неторопливо надел теплую куртку, потянулся за кистом в изголовье лежанки, взял трубку, набил ее и сунул в рот. Потом достал огниво, кремь, трут и начал высекать огонь. Посыпались большие искры, одна попала на трут; он сложил губы трубочкой и стал дуть на него, раздувая огонь. В темноте блеснул темно-красный язычок пламени. Прикурив и сделав пару быстрых затяжек, он собрался было задуть огонь, но жена остановила его:

– Лампу зажги!

– Думаешь, стоит?

– Зажигай. Сожжем немного керосина – не обеднеем.

Набрав в грудь воздуха, он долго дул на трут, который разгорался все ярче, пока в конце концов не занялся настоящим пламенем. Жена принесла лампу, зажгла ее и повесила на стену. Комната осветилась тусклым зеленоватым светом. Муж с женой встретились глазами и тут же отвели их в сторону. Один из спавших детей заговорил во сне, очень громко, будто выкрикивая лозунги. Другой, вытянув руку, шарил ею по покрытой копотью стене. Третий захныкал. Муж запихнул руку ребенка под одеяло и заодно раздраженно потрепал волосенки хныкавшего:

– Ну что ты ноешь, разоритель ты наш!

– Может, воды согреть? – вздохнула жена.

– Согрей, – отозвался муж. – Пару черпаков, не больше.

– Может, на этот раз три? – подумав, предложила она. –

Чище помоем – больше понравится.

Муж ничего не ответил, только взял трубку и осторожно глянул в угол лежанки, где уже снова сладко спал малыш.

Жена перевесила лампу над дверью, чтобы свет падал в обе комнаты. Почистила котел, налила три черпака воды, накрыла крышкой, подожгла от лампы пучок сухой соломы и осторожно сунула в печь. Солома разгорелась, она подбросила еще, желтые языки пламени начали лизать устье печки, освещая раскрасневшееся лицо женщины. Муж уселся на низкую табуретку возле лежанки и отсутствующим взглядом уставился на жену, которая будто помолодела.

В котле забурила вода, и она подкинула в печь еще соломы. Мужчина выколотил трубку о край лежанки, откашлялся и нерешительно произнес:

– У Зубастика Суня, что на востоке деревни, жена опять понесла, а ведь еще предыдущего от титьки не отняла.

– Разве бывает у всех одинаково? – подхватила женщина. – Кто откажется рожать каждый год по ребенку! Да еще тройню!

– Хорошо устроился сукин сын Зубастик, пользуется тем, что у него шурин – инспектор по качеству: у людей не берут, а у него – пожалуйста. Дураку понятно, что у него второй

сорт, а ему – на тебе, высший ставят.

– Это уж как с незапамятных времен повелось: «Чиновником не станешь, коль нет связей при дворе», – согласилась жена.

– Но нашего Сяо Бао должны оценить на первый сорт, это уж точно. Никто не вбухал в ребенка такую уймаищу денег, – продолжал муж. – Ты ведь сто цзиней соевых лепешек умяла, десятков карасей, четыреста цзиней редиски...

– Это я-то умяла? Только с виду мне в живот попало, а так все в молоко ушло, все он высосал!

Под этот разговор вода в котле закипела, и из-под крышки стали выбиваться клубы пара. Он поднимался вверх, и похожий на красную фасолину язычок пламени в лампе еле мерцал в затуманившемся воздухе.

Больше соломы она подбрасывать не стала, а скомандовала мужу:

– Корыто неси!

Тот что-то пробурчал в ответ, открыл входную дверь, вышел во двор и вернулся с большим фаянсовым корытом черного цвета с облупившимися краями. На дне корыта застыл тонкий слой инея.

Жена сняла крышку с котла, вылетевшие клубы пара чуть не загасили лампу. Черпаком из тыквы она стала наливать горячую воду в корыто.

– Немного холодной не хочешь добавить? – спросил муж. Она попробовала воду рукой:

– Нет, то что надо. Давай его сюда.

Он прошел в соседнюю комнату и, наклонившись, взял на руки похрапывающего во сне мальчика. Тот захныкал.

– Сыночек драгоценный, Сяо Бао, – ласково приговаривал Цзинь Юаньбао, похлопывая его по попке. – Не надо плакать, сейчас папа тебя помоем.

Жена приняла у него ребенка. Тот выпятил животик и потянулся к ее груди, лепеча:

– Кушать, мама... Кушать, мама...

Ей ничего не оставалось, как усесться на порожек и растегнуть кофту. Сяо Бао наладил сосок прямо в рот, и слышалось довольное угуканье. Женщина сгорбилась, словно под его тяжестью.

Муж поплескал рукой воду в корыте и заторопил:

– Не корми, вода остынет.

Та похлопала ребенка по попке:

– Сынок, дорогой, хватит. И так уже всю высосал. Давай помоемся. А как вымоем тебя начисто, отправим в город, будешь жить там счастливый и довольный.

Она с силой отталкивала ребенка, но тот вцепился зубами в сосок и не отпускал, отчего тощая грудь растянулась, словно потерявшая эластичность изношенная резина.

Цзинь Юаньбао резко потянул ребенка к себе, у женщины вырвался стон, а Сяо Бао разревелся. Отец шлепнул его и сердито гаркнул:

– Не реви! Чего разорался!

– Ты полегче, руки-то распускать, – расстроилась жена. – Наставишь синяков, снова снизят категорию.

Муж сорвал с ребенка одежду, отшвырнул ее в сторону, потрогал рукой воду и, приговаривая себе под нос: «Горячевата, ну да и хорошо, грязь сойдет», – опустил голенького мальчика в корыто. Тот пронзительно завопил. По сравнению с тем, как ревел раньше, это было все равно что вершина горы после волнистых холмов. Поджимая ноги, он всячески пытался выбраться из корыта, а Цзинь Юаньбао старался запихнуть его обратно. Женщине окатило горячей водой лицо, она сжала его руками и тихо проговорила:

– Отец, слишком горячая, как бы за покраснения опять категорию не снизили.

– Вот ведь орет, паршивец, будто я ему должен, – бубнил муж. – Это ему холодное, это горячее. Ну добавь полковша холодной.

Женщина поспешно встала, не успев прикрыть отвисшие груди, и длинные полы кофты свесились у нее между ног, будто промокший старый флаг. Она зачерпнула полковша, вылила в корыто и быстро поболтала в нем рукой:

– Не горячая. Сейчас точно не горячая. Не плачь, сокровище мое, не плачь.

Сяо Бао ревел уже не так отчаянно, как раньше, но продолжал отбрыкиваться руками и ногами: мыться ему совсем не хотелось. Цзинь Юаньбао упрямо пытался опустить его в корыто. Жена, с черпаком в руке, тупо застыла рядом, и он

прикрикнул на нее:

– Ну что стоишь как мертвая! А ну быстро помоги!

Словно очнувшись, она отбросила черпак. Присела на корточки перед корытом, окатила мальчика водой и стала мыть ему попку и спину. Из другой комнаты вышла их старшенькая – маленькая девочка лет семи-восьми, босая, в одних больших мешковатых красных штанах по колено, с растрепанными волосами. Втянув голову в голенькие плечи, она спросонья терла глаза:

– Па, ма, зачем вы его моете? Хотите зажарить нам на обед?

– А ну катись обратно спать! – вскинулся на нее Цзинь Юаньбао.

При виде старшей сестры Сяо Бао заревел благим матом, пытаясь позвать ее. Та, не смея и пикнуть, тихонько попятилась назад в комнату, остановилась в дверном проеме и стала наблюдать за родителями.

Сяо Бао докричался до хрипоты, он уже не ревел без остановки, а похныкивал время от времени без слез.

От горячей воды грязь на теле мальчика стала скользкой и жирной, а вода в корыте сильно помутнела.

– Принеси мочалку и жидкое мыло, – велел муж.

Жена вытащила и то и другое из-за печки.

– Теперь держи его, – добавил он, – а я буду мыть.

Они поменялись местами.

Цзинь Юаньбао окунул в корыто мочалку, развел в мис-

ке немного мыла и стал тереть мальчику шею, попу и даже между пальчиков. Покрытый мыльной пеной Сяо Бао снова заорал как оглашенный, и комната наполнилась страшной вонью.

– Отец, ты бы полегче, – переживала женщина. – Всю кожу сдерешь.

– Ничего, чай не бумажный, – хмыкнул Цзинь Юаньбао. – Чуть потер – и уже сдеру? Знала бы ты, какие хитроумные эти инспекторы, даже в попу ребенку заглядывают. Чуть заметят какую грязинку, тут же норовят на категорию снизить, а одна категория – десять с лишним юаней.

Наконец мытье закончилось. Цзинь Юаньбао держал мальчика, а жена вытирала его чистым махровым полотенцем. При свете лампы было видно, как он раскраснелся, от него шел приятный аромат чистой плоти. Она достала комплект новой детской одежды и попутно приняла ребенка из рук мужа. Сяо Бао снова стал искать ртом грудь, и она сунула ему сосок.

Цзинь Юаньбао вытер руки, набил трубку и прикурил от лампы над дверью.

– Взмок весь из-за этого поганца, – проговорил он, выпустив кольцо дыма.

Сяо Бао уже заснул с соском во рту. Баюкавшей его женщине, похоже, не хотелось с ним расставаться.

– Давай сюда, а то мне еще топать и топать! – велел Цзинь Юаньбао.

Женщина вытащила сосок. Ребенок продолжал шлепать губами, словно сосок еще был во рту.

С бумажным фонарем в одной руке и спящим ребенком в другой Цзинь Юаньбао вышел из дома в переулок, а потом вывернул на главную улицу. Шагая по переулку, он чувствовал на себе взгляд жены, стоявшей у порога, и душу защемило. Но когда повернул на улицу, это чувство тут же улетучилось.

Луна еще не скрылась. Листья с тополей на серенькой улочке уже облетели, они стояли молчаливыми долговязыми молодцами, и их ветви отливали зеленовато-белым. В ночном воздухе витало запустение и смерть, и он невольно пожегся. Теплый желтый свет фонаря отбрасывал на дорогу большую покачивающуюся тень. Увидев сквозь белый корпус, как по желтой свече из овечьего жира стекает капля расплавленного воска, похожая на слезу, он украдкой шмыгнул носом. У чьего-то двора несколько раз вяло тявкнула собака. Он тоже без особого интереса глянул на ее чернеющую тень, а потом услышал, как та, шелестя соломой, забивается под скирду. Уже на выходе из деревни до него донесся детский плач. Подняв голову, он увидел в окнах нескольких домов тускло-желтый свет и понял, что там заняты тем же, что они с женой уже проделали. Он их опередил, и от этого на душе полегчало.

Дойдя до храма бога-покровителя⁷⁵ на окраине деревни, он достал из-за пазухи рулон ритуальных денег, поджег от пламени фонаря и положил в курильницу перед храмом. Огонь маленькой змейкой пополз по бумаге, а он перевел взгляд на превечно восседавшего в нише божка и двух его жен. На лицах у них застыла ледяная усмешка. И божка и жен изваял каменщик Ван: божка — из черного камня, а жен — из белого. Фигура божка превосходила обеих жен, вместе взятых, и он смотрелся как взрослый с двумя детьми. Скульптор из каменщика Вана был еще тот, и лица получились уродливыми до невозможности. Летом храм заливало дождем, поэтому каменные изваяния покрылись мхом и отливали зеленоватой патиной. Бумага догорала и превращалась в быстро съеживающийся белой бабочкой пепел. Подрагивающая на нем алая полоска огня вскоре потухла, и он с еле слышным треском рассыпался.

Поставив на землю фонарь и положив ребенка, Цзинь Юаньбао встал на колени и отвесил божку и его женам поклон.

Покончив таким образом с выпиской ребенка с места жительства, он встал, положил его на руку, другой рукой поднял фонарь и торопливо зашагал по дороге.

Когда из-за гор показалось солнце, он уже добрался до Яньшуйхэ. Саксаул на берегу казался стеклянным, а вода в реке — красной. Он задул фонарь, спрятал в прибрежных зарослях и, подойдя к переправе, стал ждать лодку с того бе-

---

⁷⁵ Имеется в виду храм, посвященный местному даосскому божеству.

рега.

Ребенок проснулся и захныкал. Испугавшись, что он истеричится и похудеет, Цзинь Юаньбао тут же придумал множество способов успокоить его. Ребенок уже начал ходить, и Цзинь Юаньбао отнес его на песчаный берег, сорвал ему ветку саксаула, а сам в это время закурил. Рука с трубкой затекла и ныла.

Мальчик стегал веткой по суевившимся на песке черным муравьям. Поднимая ее, он терял равновесие и раскачивался из стороны в сторону. Солнце озаряло красным не только поверхность реки, но и его лицо. Цзинь Юаньбао давал ребенку поиграть и не вмешивался. Река здесь разливалась примерно на половину ли⁷⁶ и величаво несла мутные воды. Первые лучи рассвета легли на нее, будто громадная колонна на широкое полотнище желтого бархата. Никому и в голову бы не пришло построить на такой реке мост.

Причаленная на противоположном песчаном берегу лодка по-прежнему покачивалась на мелководье и казалась очень маленькой. Лодка и вправду невелика, он на ней уже переправлялся. Перевозчиком был тугой на ухо старик, он жил в землянке у реки. Над землянкой уже курился голубоватый дымок: видать, этот глухой пень завтрак готовит. Цзинь Юаньбао терпеливо ждал.

Через некоторое время к переправе подошли еще несколько человек. Пожилая пара, подросток и женщина

---

⁷⁶ Ли – мера длины, ок. 0,5 км.

средних лет с младенцем на руках. Пожилые, видимо муж с женой, молча сидели рядом, уставившись на мутные воды реки бесцветными, как стеклянные шарики, глазами. Парень босой, в одних синих штанах. Кожа вся бледная, в струпьях, похожих на рыбу чешую. Подбежав к воде, парень помогился, а потом подошел к сыну Цзинь Юаньбао и стал смотреть, как под ударами ветки черные муравьи превращаются в месиво. Он еще сказал Сяо Бао пару непонятных фраз, и этот паршивец засмеялся, словно что-то понял, обнажив в улыбке белоснежные молочные зубы. Лицо женщины отливало нездоровой желтизной; копна нечесаных волос прихвачена белой тесемкой. Одета она была в довольно чистую синюю блузу и черные штаны. Когда она стала сажать ребенка писать, Цзинь Юаньбао встревожился – мальчик! Еще один соперник. Но приглядевшись, понял, что мальчик значительно худее Сяо Бао, кожа смуглая, волосы желтоватые, а на ухе – белый лишай. «Этот в подметки Сяо Бао не годится», – подумал он и решил, что может быть великодушным.

– Тоже туда, сестрица? – заговорил он.

Женщина подозрительно зыркнула на него и еще крепче прижала к себе ребенка. Губы у нее дрожали, но она не произнесла ни слова.

Потеряв к ней интерес, Цзинь Юаньбао отошел в сторону и стал смотреть через реку.

Солнце поднялось над ней еще на целый чжан⁷⁷, и вода из

---

⁷⁷ Чжан – мера длины, равная 3,2 м.

желтой стала золотисто-стеклянной. Лодчонка тихо покачивалась у противоположного берега. Над крышей хижины так же вился дымок, но перевозчик не показывался.

Сяо Бао и парень в струпьях, взявшись за руки, уже направились куда-то по кромке воды, и обеспокоенный Цзинь Юаньбао бросился за ними. Он подхватил Сяо Бао на руки, а чешуйчатый непонимающе уставился на него широко открытыми глазами. Сяо Бао заныл и стал вырываться, требуя, чтобы его опустили на землю.

– Ну не плачь, не плачь, – успокаивал его отец, – гляди, вон дедушка перевозчик уже правит лодку сюда!

Бросив взгляд на другой берег, он увидел, что к лодке действительно поплелась фигура, которая будто переливалась всеми цветами радуги. Туда же, на переправу, торопливо устремились еще несколько человек.

Цзинь Юаньбао решил больше не отпускать Сяо Бао, который, немного поворочавшись, успокоился, перестал плакать и только бубнил, что хочет есть. Нашарив за пазухой горсть жареных соевых бобов, Цзинь Юаньбао разжевал их и сунул ребенку в рот. Тот снова заревел на все лады, будто это пришлось ему не по вкусу, но все же проглотил.

Лодка уже достигла середины реки, когда из зарослей саксаула торопливым шагом вышел высокий бородач с ребенком ростом в два чи на руках и присоединился к ожидавшим у переправы.

Охваченный волнением Цзинь Юаньбао глянул на боро-

дача краешком глаза, и ему почему-то стало страшно. Тот обвел собравшихся на берегу взглядом тирана. Большие черные глаза, острый крючковатый нос. Ребенок на руках – мальчик – был одет в новехонький, с иголки, красный костюмчик с золотой строчкой. Своей одеждой он явно выделялся среди остальных и привлекал к себе взгляды, хотя и втянул голову в плечи. Густые вихры, кожа на лице белая, нежная, но маленькие глазки, которыми он обшаривал всё вокруг, казались глазами старика и смотрели совсем не подетски. Да еще уши – большие, мясистые. Все это не могло не вызвать любопытства окружающих, хотя вел он себя на руках у бородача смирно и молчал.

Лодка приближалась и разворачивалась против течения. Ожидающие скучились, не сводя с нее глаз.

На мелководе глухой старик-перевозчик отложил весло и взял в руки бамбуковый шест. Разрезая красную в лучах зари воду, нос лодки наконец уперся в берег. Семеро разношерстных пассажиров сошли, бросив плату за перевоз в тыкву-горлянку на дне лодки. Старик с шестом в руках смотрел, как воды реки бегут на восток.

Когда все сошли, ожидавшие рванулись на борт. Цзинь Юаньбао мог оказаться первым, но чуть помедлил, выжидая, пока зайдет бородач, и шагнул в лодку после него. За ним последовала женщина с ребенком на руках и пожилая пара. Старикам помогал чешуйчатый парень. Сначала он переправил в лодку старушку, затем ее мужа и только после этого

легко запрыгнул на нос и уверенно встал там.

Цзинь Юаньбао сидел прямо напротив бородача, боязливо сжавшись от бездонности его темных глаз. Еще больший страх нагонял угрюмый взгляд мальчика. «Вот ведь паршивец, не ребенок, а дьяволенок какой-то, честное слово». От этого пристального взора Цзинь Юаньбао не сиделось. Он вертелся туда-сюда, и лодка стала раскачиваться. Старик перевозчик слышал плохо, но глаза у него были на месте.

– Не качать лодку! – прикрикнул он.

Чтобы не встречаться взглядом с маленькой нечистой, Цзинь Юаньбао стал смотреть на реку, на солнце, на скользящую над водой одинокую сизую чайку. Но напряжение не проходило, по телу раз за разом пробежал холодок, и поневоле пришлось перевести взгляд на голый торс перевозчика. Годы хоть и согнули старика, но мускулы были еще хоть куда, а кожа после долгих лет у воды походила на начищенную старую медяшку. Глядя на его тело, Цзинь Юаньбао ощущал какое-то тепло, силу духа, не хотелось даже отрывать от него глаз. Старик размеренно и легко орудовал большим веслом на корме, лопасть скользила и переворачивалась в воде, будто плывущая следом большая коричневая рыбина. Шуршание кожаных креплений весла, плеск воды о нос лодки и натруженное дыхание старика слились в один убаюкивающий мотив, но успокоиться так и не удавалось. Сяо Бао вдруг разразился плачем и изо всех сил уперся головой ему в грудь, словно чем-то страшно напуганный. Цзинь Юаньбао поднял

глаза, и его снова, будто ударом молота, оглушил взгляд маленькой нечисти. Сердце сжалось, волосы на голове встали дыбом. Весь мокрый от холодного пота, он изогнулся всем телом и отвернулся, крепко прижав к себе ребенка.

Еле дождавшись, когда лодка причалит к берегу, он вытащил мокрую от пота десятиюаневую бумажку, сунул в тыкву-горлянку, покачнулся, прыгнул на сырой песок, схватил в охапку ребенка и потрусил вдоль берега. Вскарабкавшись на дамбу, он выбрался на шоссе, ведущее в город, и помчался по нему как метеор. Хотелось быстрее добраться, а еще больше – оторваться от этой маленькой нечисти в красном.

Дороге – широкой и ровной, – казалось, не будет конца. На пышно разросшихся вдоль обочин тополях еще не опали пожелтевшие листья; разносилось чириканье воробьев, крики ворон. Стояла настоящая поздняя осень: высокое небо и чистый воздух, куда ни глянь – ни облачка. Но Цзинь Юаньбао было не до красот, он видел только дорогу, словно улепетывающий от волка заяц.

До города он добрался уже за полдень. Во рту пересохло, а от Сяо Бао шел жар как от печки. Достав несколько мелких монет, Цзинь Юаньбао зашел в распивочную, сел за столик в углу и заказал чашку некрепкого вина. Влил немного в рот ребенку, оставив на добрый глоток себе. Вокруг головы Сяо Бао с жужжанием вились мухи, и он поднял было руку, чтобы отогнать их, да так и застыл с поднятой рукой, словно по-

раженный молнией.

В другом углу сидел бородач, а на столе со стаканом в руке – тот самый дьяволенок, что нагнал на Цзинь Юаньбао столько страху. Этот паршивец отхлебывал вино глоток за глотком, да так уверенно, что чувствовалось – ему это не впервой. Ни дать ни взять завсегдатай подобных заведений. Размеры его тела явно не соответствовали ни движениям, ни выражению лица, и это выглядело настолько несуразно, что все в распивочной – и официанты, и посетители – только и пялились на него. Похоже, громиле бородачу на это было наплевать, он знай себе с бульканьем заливал в горло фирменное вино заведения – «Тоу пин сань ли сян»⁷⁸. Цзинь Юаньбао одним глотком выпил свою чашку, неслышно положил на столик монеты, схватил Сяо Бао и с низко опущенной головой, почти касаясь подбородком груди, пулей вылетел на улицу.

Уже наступило время послеполуденного отдыха, когда Цзинь Юаньбао с Сяо Бао на руках наконец оказался перед дверью отдела особых закупок – самостоятельной структуры Кулинарной академии. Небольшое белоснежное здание, увенчанное куполом и окруженное красной кирпичной стеной с «лунными воротами»⁷⁹. Экзотические цветы и травы

---

⁷⁸ «Тоу пин сань ли сян» – досл. «аромат разносится на три ли»; вино с подобным названием – «Аромат разносится на десять ли» – подавали героям классического романа «Речные заводы».

⁷⁹ «Лунные ворота» (досл. «ворота лунного света») – округлый арочный проход между двориками традиционного китайского дома.

во дворе, вечнозеленые деревья и кусты. Посреди двора – овальнй пруд, насыпной холм и фонтан в виде распускающейся и опадающей хризантемы. Брызги от фонтана с шумом падали на поверхность пруда, в котором плавали черепахи с узорчатыми панцирями и стайка жирных, неповоротливых золотых рыбок. Цзинь Юаньбао уже бывал здесь, но всякий раз трепетал, словно у входа в чертоги небожителей, и дрожал от счастья каждой клеточкой.

Внутри специальных металлических ограждений для регулирования очереди уже стояло больше тридцати человек, и Цзинь Юаньбао поспешил к ним присоединиться. Прямо перед ним снова оказался тот самый бородач с одетым в красное дьяволенком. Этот паршивец хищно рыскал по сторонам угрюмым взглядом, высовываясь из-за плеча громилы.

Из открывшегося рта Цзинь Юаньбао рвался крик, но кричать он не посмел.

Через два часа изнурительного ожидания из здания донесся звонок. Утомленная очередь оживилась, все начали вставать, вытирать детям лица, подбирать сопли и поправлять одежду. Женщины доставали вату, пудрили детям лица и, поплевав на ладонь и растерев на ней помаду, румянили им щеки. Цзинь Юаньбао смахнул рукавом пот с лица Сяо Бао и грубой пятерней пригладил ему волосы. Лишь бородач даже бровью не повел, а свернувшийся у него на руках дьяволенок знай зыркал по сторонам, с необычайным равнодушием наблюдая за происходящим.

Стальная дверь, куда вели ограждения, со скрипом отворилась, и за ней открылось светлое и просторное помещение. Закупка началась, и тишину время от времени нарушало лишь детское хныканье. Закупщики негромко вели переговоры с продавцами, и казалось, вокруг царят согласие и гармония. Стараясь не встречаться взглядом с дьяволенком, Цзинь Юаньбао держался от него чуть поодаль. Все равно ограждения узкие, проходит лишь один взрослый с ребенком, и сзади никто не протиснется. Неумолчный плеск воды в фонтане звучал то громче, то тише; на деревьях, мелодично, как цинь⁸⁰, пели птицы.

Из дверей вышла продавшая ребенка женщина, и на собеседование зашел бородач с дьяволенком. Цзинь Юаньбао с Сяо Бао стоял метрах в трех от них. О чем там шел негромкий разговор, было не разобрать, но он, хоть и со страхом, наблюдал за происходящим. Мужчина в белом халате и окаймленной красным белой шапочке с козырьком принял маленькую нечисть из рук бородача. На серьезном лице дьяволенка вдруг появилась усмешка. У Цзинь Юаньбао от этой усмешки аж кровь застыла в жилах, но на приемщика она не произвела никакого впечатления. Сняв с дьяволенка одежду, он потыкал ему в грудь стеклянной палочкой, и маленький злой дух загоготал. Через некоторое время раздался рев верзилы:

– Второй сорт? Надуть меня, ети его, хотите?!

---

⁸⁰ Цинь – старинный китайский струнный инструмент.

Приемщик тоже чуть повысил голос:

– Послушай, приятель, если ничего не смыслишь в товаре, то хоть с другими сравни! Ребенок твой не сказать чтобы легонький, но кожа грубая и плоть жестковата, и если бы не его милая улыбка, вообще тянул бы только на третий!

Бородач пробурчал под нос еще пару ругательств, схватил протянутые купюры, бегло пересчитал, сунул за пазуху и, опустив голову, стал проталкиваться за ограждения. И тут Цзинь Юаньбао услышал, как маленький паршивец, которому уже налепили бирку «второй сорт», заорал в спину верзиле:

– Убийца, мать твою! Чтоб тебя грузовик переехал, как выйдешь на улицу, сукин сын, сволочь!

Голос был пронзительный и хриплый, и никто не мог поверить, что эта жуткая и складная брань, да еще таким голосом, может исходить от ребенка, в котором нет и трех чи. «Маленький мясник какой-то», – подумал Цзинь Юаньбао, глядя на только что улыбавшееся и вдруг искривившееся злобой лицо, на изрезанный глубокими морщинами лоб. Все пятеро закупщиков испуганно подскочили с исказившимися от страха лицами и какой-то миг пребывали в крайнем замешательстве. Стоявший подбоченясь дьяволенок выхаркнул в их сторону полный рот слюны и вразвалочку направился к сбившимся в стайку детям с наклеенными бирками.

Пятеро закупщиков застыли, переглядываясь и словно успокаивая друг друга: «Ну ведь ничего не случилось? Ну

да, ничего страшного».

И продолжили работу. Сидевший за столом краснощекий и добродушный мужчина средних лет в шапочке с козырьком махнул Цзинь Юаньбао. Тот торопливо шагнул вперед. Сердце у него просто выскакивало из груди. Сяо Бао захныкал, и Цзинь Юаньбао, заикаясь, принялся успокаивать его, вспомнив, что случилось в прошлый раз: тогда он припоздал, и оказалось, что нужное количество детей уже отобрали. Вообще-то приемщиков можно было упросить, но Сяо Бао в тот день разорался так, что в голове все перемешалось.

– Хороший мальчик, не плачь, – молил он. – Никто не любит, когда дети плачут.

– Этот ребенок рожден специально для отдела особых закупок, так ведь? – негромко обратился к нему закупщик.

В горле у Цзинь Юаньбао пересохло, слова застревали, и голос был не его.

– Значит, этот ребенок не человек, верно? – продолжал закупщик.

– Верно. Не человек.

– Значит, ты продаешь специальный продукт, а не ребенка, так?

– Так.

– Ты передаешь нам товар, мы платим тебе деньги; ты желаешь продать, мы желаем купить, это справедливый обмен. И после совершения обмена никаких претензий, так?

– Так.

– Прекрасно, вот здесь оттиск пальца поставь! – Закупщик подвинул через стол отпечатанный документ и подушечку с красной тушью для личных печаток⁸¹.

– Товарищ, я читать не умею, – признался Цзинь Юаньбао. – Что здесь такое написано?

– То, что мы с тобой сейчас обговорили.

Цзинь Юаньбао оставил большой красный отпечаток пальца там, где было указано. От сердца отлегло, будто он завершил большое дело.

Подошедшая приемщица взяла у него из рук Сяо Бао. Тот продолжал хныкать, но женщина сдавила ему шею, и ребенок тут же затих. Цзинь Юаньбао весь аж изогнулся, чтобы видеть, как она снимает с Сяо Бао одежду, быстро, но тщательно осматривает с головы до ног: даже ягодичи раздвинула и крайнюю плоть на пипиське оттянула, чтобы взглянуть на головку.

Хлопнув в ладоши, она бросила сидевшему за столом:

– Высший сорт!

От волнения Цзинь Юаньбао чуть не подпрыгнул, на глазах выступили слезы.

Другой приемщик поставил Сяо Бао на весы и негромко произнес:

– Двадцать один цзинь четыре лян.

Закупщик понажимал маленькую машинку, и та со скре-

---

⁸¹ *Личная печатка* – небольшая печать четырехугольной формы с вырезанным именем владельца. Используется, кроме прочего, и для скрепления документов.

жетом выплюнула листок бумаги. Он поманил рукой Цзинь Юаньбао, который, приблизившись на шаг, услышал:

– Высший сорт – сто юаней за цзинь, двадцать один цзинь четыре лян составляет две тысячи сто сорок юаней.

Он вручил Цзинь Юаньбао пачку купюр и листок:

– Пересчитай.

Руки у Цзинь Юаньбао так тряслись, что, взяв деньги, он еле сумел пересчитать их. Мысли в голове путались.

– Это всё мне? – спросил он дрогнувшим голосом, вцепившись в деньги.

Закупщик кивнул.

– Я могу идти?

Тот снова кивнул.

Глава третья

1

Мальчик сидел, поджав ноги, на большом позолоченном подносе. С золотисто-желтого тела стекало ароматное масло, на лице застыла глуповатая улыбка, наивная до смешного. Вокруг тела красовалась гирлянда из изумрудной зелени и ярко-красных цветков редиски. Ни жив ни мертв, следовательно уставился на мальчика и сглотнул подступивший к горлу желудочный сок. Мальчик ответил ему живым взглядом, из ноздрей у него шел пар, а губы шевелились, будто он вот-вот заговорит. Эта улыбка, ее наивность вызвали целый сонм мыслей, лицо мальчика показалось следователю очень знакомым, будто он недавно его видел. В ушах звучал звонкий смех. Маленький ротик дышит ароматом свежей клубники. «Пап, расскажи сказку». – «Отстань от папы». А вот розовощекий малыш на руках у нежно улыбающейся жены. Улыбка на лице жены вдруг сменяется странным, страшным выражением, щеки у нее подергиваются, но она пытается сделать вид, что ничего не случилось. «Ублюдки!» Зло хлопнув рукой по столу, он встает.

На лице Цзинь Ганцзуаня появляется многозначительная усмешка. Директор шахты с партсекретарем таинственно и

подобострастно улыбаются. Или это всё во сне? Вытаращив глаза, следовательно пристально всматривается: нет, мальчик так же сидит на подносе, поджав ноги.

– Прошу, товарищ Дин Гоуэр! – говорит Цзинь Ганцзуань.

– Это у нас самое знаменитое блюдо, – подхватывают партсекретарь с директором. – Называется «Цилинь приносит сына». Им мы потчуем иностранных гостей, у них остается глубокое и незабываемое впечатление, и они не скупятся на самые высокие похвалы. С помощью этого блюда мы заработали для страны немало драгоценной валюты. Подаем и самым почетным гостям. Таким, как вы, например.

– Просим, просим, товарищ Дин, старина! Просим вас, следовательно прокуратуры по особо важным делам Дин Гоуэр, отведайте нашего фирменного блюда, – с нетерпением торопят они, уже вооружившись палочками для еды.

От мальчика исходит аромат, перед которым трудно устоять. Глотая слюну, Дин Гоуэр сует руку в папку. Рука нащупывает гладкий ствол и ребристую рукоять пистолета с пятиконечной звездой в центре. Ствол круглый, мушка треугольная; рука горячее, и пистолет кажется прохладным. «Все мои ощущения в порядке, суждения – тоже. Я не пьян, я – следователь Дин Гоуэр, меня прислали в Цзюго расследовать дело о поедании мальчиков руководящими работниками во главе с Цзинь Ганцзуанем. Обвинение серьезное, дело из ряда вон выходящее, преступление тяжкое, неслыханная жестокость, беспрецедентное разложение. Я не пьян и не брежу, и

если они думают, что им все это сойдет с рук, то ошибаются. Ишь, поставили передо мной блюдо из младенца, как они его назвали – «Цилинь приносит сына»? Я в здравом уме, но на всякий случай проведем самопроверку: восемьдесят пять умножить на восемьдесят пять равняется семь тысяч двести двадцать пять. Ишь удумали, не подкопаешься: убили младенца и подсунули – на, мол, ешь. Хотели рот мне заткнуть, заговорщики, скоты, звери».

И выхватив пистолет, он заорал:

– Не двигаться, руки вверх, зверюги этикие!

Трое мужчин замерли где сидели, а девицы в красном с пронзительным визгом сбились стайкой, как перепуганные цыплята. С пистолетом в руке Дин Гоуэр отодвинул стул и отошел на пару шагов, встав спиной к окну. «Будь у них боевой опыт, – промелькнуло в голове, – на таком близком расстоянии им ничего не стоило бы выхватить у меня пистолет, но у них этого опыта нет». И вот теперь все трое стояли под дулом пистолета, и никто даже не собирался предпринимать какие-либо безрассудные действия. Когда Дин Гоуэр вскочил, зажатая между ног папка упала на пол. Кожей между большим и указательным пальцем он чувствовал прохладную рукоятку пистолета, а самим указательным пальцем – упругость гладкого курка. С предохранителя он пистолет уже снял, когда вытаскивал из папки, так что и патрон, и боек были наготове: одно движение – и последует выстрел.

– Ублюдки, фашисты! – выругался он. – Руки вверх, кому

сказано!

Цзинь Ганцзуань медленно поднял руки, партсекретарь с директором последовали его примеру.

– Товарищ Дин, старина, вам не кажется, что с этой шуткой у вас перебор вышел? – непринужденно улыбнулся Цзинь Ганцзуань.

– С шуткой? – зло оскалился Дин Гоуэр. – Какие тут с вами шутки?! Зверье, детей пожираете!

Откинув голову, Цзинь Ганцзуань расхохотался. Партсекретарь с директором тоже захихикали, но как-то по-дурацки.

– Эх, старина Дин, старина Дин, – смеялся Цзинь Ганцзуань. – Славный вы человек, товарищ, дух гуманизма у вас на высоте, и это действительно заслуживает уважения! Но вы ошибаетесь, и ошибка ваша субъективистская. Присмотритесь-ка повнимательнее. Разве это мальчик?

Слова Цзинь Ганцзуаня оказали воздействие, и следовательно обратил взгляд на поднос. На лице мальчика так же играла улыбка, губы чуть раздвинуты, словно он сейчас заговорит.

– Но он как живой! – воскликнул Дин Гоуэр.

– Ну да, как живой, – согласился Цзинь Ганцзуань. – Но почему же этот ненастоящий мальчик смотрится как живой? Потому что искусство кулинаров у нас в Цзюго – высочайшее, исключительно тонкая работа!

– Это еще что! – подхватили партсекретарь с директором. – У нас в Кулинарной академии на отделении спецку-

линарии одна женщина-профессор создала мальчика, у которого еще и ресницы подрагивают. Ни у кого на такое блюдо даже палочки не поднимаются!

– Опустите оружие, товарищ Дин, старина, возьмите палочки и давайте вместе отведаем этот непревзойденный деликатес! – И Цзинь Ганцзуань, опустив руки, радушным жестом пригласил Дин Гоуэра к столу.

– Ну нет! – сурово произнес Дин Гоуэр. – Заявляю, что в этом вашем людоедском банкете я участвовать не буду!

На лице Цзинь Ганцзуаня мелькнуло раздражение, но в голосе не прозвучало ни угодливости, ни превосходства:

– Ну вы и упрямец, товарищ Дин, дружище. Все мы, высоко воздев кулак, давали клятву перед знаменем партии. Ваша задача – стремиться к счастью людей, но это и наша задача тоже. Не надо думать, что вы единственный хороший человек в Поднебесной. У нас в Цзюго на банкетах с младенцами бывали лидеры с высокой репутацией, уважаемые друзья с пяти континентов, широко известные в стране и за рубежом деятели искусства и общественные знаменитости. Все воздавали нам хвалу, и только вы, следовательно Дин Гоуэр, подняли оружие на тех, кто оказал вам сердечный прием.

Ему подпевал то ли партсекретарь, то ли директор:

– Какой пагубный ветер нагнал вам в глаза туману, товарищ Дин Гоуэр? Вы отдаете себе отчет, что дуло вашего пистолета направлено не на классовых врагов, а на братьев по классу?

Пистолет в руке Дин Гоуэра дрогнул и стал опускаться, глаза застлала пелена, и вернувшаяся было в свой кокон прекрасная бабочка опять начала карабкаться вверх. На плечи огромным камнем навалился страх, следовательно ощутил всю шаткость своего положения: казалось, он вот-вот развалится по косточкам, – вот она, бездонная зловонная трясина, в которой можно увязнуть и никогда из нее не выбраться. «А этот маленький шалун, от которого исходит божественный аромат, сын, твердо принявший сторону матери, сидит сейчас лицом ко мне на чем-то вроде цветка лотоса, в легкой дымке цвета лотоса и тянется ко мне ручкой! Пальчики короткие, мясистые и пухлые, на них по три складочки. Четыре припухлости на тыльной стороне ладошки. В аромате чувствуется сладостный смех. Цветок лотоса тянется вверх, а за ним и ребенок. Круглый пупок, такой наивно детский, похожий на ямочку на щеке. Гладко говорите, бандюги! Наплели тут с три короба и думаете, выйдете сухими из воды? Дудки! Сваренный вами ребенок улыбается мне. Это не ребенок, а знаменитое блюдо, говорите? Да разве такое возможно?! В эпоху Сражающихся царств⁸² некий И Я сварил своего сына и поднес Хуаньгуну, правителю царства Ци, и мясо было вкусное, как у молодого ягненка, даже нежнее. Куда, удрать собрались, последователи И Я? А ну, поднять руки, сейчас получите по заслугам. Вы еще хуже, чем И Я. Тот

---

⁸² Эпоха Сражающихся царств (403–221 до н. э.) – период древней истории Китая.

сварил собственного сына, а вы из чужих детей блюда готовите. И Я принадлежал к классу землевладельцев-феодалов, и преданность правителю считалась тогда высочайшей добродетелью. А вы, руководящие работники, убиваете сыновей народа, чтобы насытить свои утробы. Это просто чудовищно! Я слышу, как дети жалобно плачут, когда их готовят на пару и когда жарят в масле. Они плачут на разделочной доске, в соли, соевом соусе, уксусе, сахаре, фенхеле, сычуаньском перце, корице, зеленом имбире, рисовом вине⁸³. Плач детей несется из ваших желудков и кишечника, из туалетов и канализации, из рек и отстойников для нечистот. Их плач раздается в брюхе рыб и на крестьянских полях; в чреве китов, акул, угрей, рыб-сабель и других морских обитателей; в остях пшеницы, в зернах риса, в молодых стручках сои, во вьющихся побегах батата, в стеблях гаоляна, в пыльце чумизы. Этот невыносимый, душераздирающий плач слышен из яблок, груш и винограда, из персиков, абрикосов и орехов. Плач младенцев доносится из фруктовых лавок, из овощных, из мясных. Плач умерщвляемых один за другим мальчиков, крики, от которых мороз по коже и волосы дыбом, эхом раздается на банкетах в Цзюго. Так в кого же стрелять, как не в вас?»

Лоснящиеся жиром лица плывут в туманной дымке вокруг приготовленного мальчика, то появляясь, то исчезая, как в калейдоскопе. На этих мелькающих лицах еще и си-

---

⁸³ Рисовое вино добавляется в блюда как приправа.

ают хитрые, полные презрения или пренебрежения ко всему миру улыбочки. И грудь вспылала гневом. Вспыхнуло пламя праведной мести, заливая все вокруг алыми отблесками цветков лотоса. «Скоты! – раздается его громоподобный рев. – Пришел ваш последний час!» Странное дело, но рев этот раздался откуда-то с макушки. Звук ударился о потолок, разлетелся на мелкие осколки, и они, словно опадающие лепестки, засыпали банкетный зал, оставляя за собой красноватые дымообразные хвостики и покачиваясь. Он с силой нажал на курок пистолета, направленного в сторону этих составленных из осколков и рассыпающихся, как в калейдоскопе, лиц, в сторону этих коварных, злых ухмылок. Курок щелкнул, боек стремительно пошел вперед и ударил в зеленоватый задник славного, сияющего медью патрона, с недоступной человеческому глазу скоростью воспламенив порох, и сжатые газы, которым стало тесно, стали напирать – вперед, вперед, все время вперед. Ствол подбросило, из него с грохотом вылетела пуля. Выстрел прокатился волной – уа, уа, – как плач младенца. «Пусть все несправедливое, негуманное задрожит при звуке моего выстрела! А все доброе, прекрасное, распространяющее чудесный аромат, пусть радостно смеется и хлопает в ладоши. Да здравствует справедливость! Да здравствует истина, да здравствует народ, да здравствует республика! Да здравствует мой великолепный сын! Да здравствуют мальчишки. Да здравствуют девочки. Да здравствуют матери мальчишек и девочек. И я тоже да здрав-

ствую. Да здравствую, да здравствую, да здравствую. Десять тысяч раз по десять тысяч лет».

Следователь по особо важным делам пробурчал что-то нечленораздельное – никто ничего не понял. В уголках рта у него выступила пена, и он медленно, как оседающая от дряхлости стена, сполз на пол. На него посыпались рюмки и стаканы, которые он смахнул со стола рукой с зажатым в ней пистолетом, лицо и одежду залило пивом, водкой и виноградным вином. Он лежал ничком, как выловленный из бродильного чана труп.

Прошло немало времени, прежде чем Цзинь Ганцзуань, партсекретарь, директор и сбившиеся в кучу официантки пришли в себя: кто поднялся с пола, кто высунул голову из-под стола или из-под чьей-то юбки. Заглушая остальные запахи, над банкетным залом плыл пороховой дым. Пуля из пистолета Дин Гоуэра попала приготовленному мальчику прямо в голову. Черепная коробка разлетелась, красные и белые ошметки мозга разметало по стене, от них шел пар и дивный аромат, и это вызывало самые разные чувства. Мальчик остался без головы. Ее уцелевшая часть – то ли арбузная корка, похожая на черепную коробку, то ли черепная коробка, похожая на арбузную корку, – упала на край второго уровня банкетного стола, застряв между тарелками с трепангами и жареными креветками, и с нее стекали капля за каплей то ли арбузный сок, похожий на кровь, то ли кровь,

похожая на арбузный сок, пачкая скатерть и застилая глаза. По полу покатились пара виноградин, смахивающих на глаза, или пара глаз, похожих на виноградины. Одна закатилась за винную стойку, другая попала под ноги официантке, и та ее раздавила. Девушка покачнувшись, и изо рта у нее вырвалось пронзительное «Уа!».

Под это «Уа!» к руководителям вернулся рассудок, философское мировоззрение, партийный дух, принципиальность, нравственность и другие присущие им основные качества, которые определяют их действия. Партсекретарь или директор слизывал мозги мальчика, заляпавшие ему тыльную сторону ладони. Вкус наверняка был отменный, потому что он даже причмокнул:

– Вот негодяй, такое блюдо испортил!

Цзинь Ганцзуань недовольно покосился в его сторону, и под критическим взглядом замначальника отдела Цзиня тот залился краской стыда.

– Быстро помогите старине Дину подняться, – скомандовал Цзинь Ганцзуань. – Лицо вытрите и отрезвляющего дайте.

Официантки бросились выполнять распоряжение. Подняв Дин Гоуэра, они вытерли ему рот и лицо, но к руке приотронуться не осмелились. В ней оставался пистолет, который, казалось, мог в любой момент выстрелить. Они убрали осколки рюмок и протерли пол. Приподняв ему голову, разжали стиснутые зубы простерилизованным в спирте шпа-

телем из нержавеющей стали и, вставив в рот воронку из прочного пластика, стали вливать через нее, ложка за ложкой, отвлекающий отвар.

– Номер отвара какой? – поинтересовался Цзинь Ганцзуань.

– Номер один, – ответила старшая официантка.

– Дайте лучше номер два, быстрее протрезвеет.

Официантка отправилась на кухню и вернулась с бутылкой, наполненной жидкостью золотистого цвета. Когда вытащили деревянную пробку, вокруг распространился свежий, волнующий до глубины души аромат. В воронку влили почти полбутылки. Дин Гоуэр закашлялся, поперхнулся, и жидкость из воронки фонтаном выплеснулась обратно.

Поток из прохладного источника проник в кишечник, погасил бушующий там огонь и вернул способность мыслить. Теперь, когда тело снова ожило, прекрасная бабочка сознания вернулась на место. Первое, что, открыв глаза, увидел Дин Гоуэр, был сидящий на золотом подносе безголовый мальчик, и сердце снова захлестнула боль.

– Мама дорогая! – невольно вырвалось у него. – Как мне плохо! – И он поднял пистолет.

К нему обратился Цзинь Ганцзуань, стоявший с воздетыми в руке палочками:

– Товарищ Дин Гоуэр, если мы действительно пожирающие мальчиков монстры – стреляй, и поделом нам. Ну а если

это не так? Партия вручила тебе оружие, чтобы наказывать негодяев, а не убивать без разбору ни в чем не повинных.

– Давай выкладывай, если есть что сказать в свое оправдание, да побыстрее, – заявил Дин Гоуэр.

Цзинь Ганцзуань ткнул палочкой в прелестную писюльку безголового мальчика, и тот развалился на части.

– Рука мальчика изготовлена из толстого корневища лотоса с озера Юэлян после особой обработки с добавлением шестнадцати трав и специй, – принялся объяснять он, пользуясь палочкой как указкой. – Нога мальчика на самом деле особая ветчинная колбаса. Для тела использовано специальным образом обработанное мясо молочной свиноматки. Голова, которую ты снес своей пулей, – сахарная дыня. Волосы на ней – обычная зелень. Дать подробное и точное описание всех компонентов этого фирменного блюда и рассказать о всех тонкостях и сложности его приготовления я просто не в силах. Это патент Цзюго, у меня о нем лишь общее представление, иначе сам бы в повара подался. Но могу авторитетно заявить: блюдо это вполне законное, гуманное, и приступить к нему следовало бы с палочками, а не с пулей.

С этими словами Цзинь Ганцзуань ухватил палочками руку мальчика и стал уминать ее, откусывая большие куски. Партсекретарь или директор взял серебряной вилкой другую руку и положил на тарелку Дин Гоуэра.

– Откушайте, уважаемый товарищ Дин, не стесняйтесь! – почтительно произнес он.

Растерянный следователь внимательно оглядел руку. И правда похожа на корень лотоса, но еще больше – на настоящую руку. Исходящий от нее соблазнительный сладковатый аромат действительно напоминает запах лотоса, но много и незнакомых оттенков. Не без угрызений совести он сунул пистолет в папку. «Да, на тебя возложена особая миссия, но нельзя же палить в кого попало. Осмотрительнее надо быть». Маленьким острым ножиком Цзинь Ганцзуань – раз-раз-раз – порезал другую руку на десять кусков, выбрал один и поднес к лицу Дин Гоуэра:

– Лотос с пятью глазками. На руках глазки разве бывают? «Действительно лотос», – подумал Дин Гоуэр, в то время как Цзинь Ганцзуань с хрустом наворачивал руку. И опустил взгляд на лежащий перед ним кусок: есть или не есть? Партсекретарь с директором уже управились с ногой мальчика. Цзинь Ганцзуань передал ему нож и ободряюще улыбнулся. Взяв нож, следователь интереса ради приставил лезвие к руке мальчика. Словно притянутый магнитом, нож с хрустом рассек корень лотоса пополам.

Дин Гоуэр подцепил кусочек руки, зажмурился и отправил в рот. «Ммм, силы небесные!» – хором воскликнули вкусовые рецепторы. Жевательные мускулы конвульсивно сокращались без остановки, а из горла даже высунулась маленькая рука, чтобы пропихнуть всё вниз.

– Вот и славно, – шутливо бросил Цзинь Ганцзуань. – Теперь, товарищ Дин Гоуэр, мы с тобой одним миром мазаны:

ты съел руку мальчика!

Дин Гоуэр замер, вновь охваченный сомнениями.

– Но ты же сказал, что это не мальчик.

– Эх, товарищ ты мой, – делано сокрушался Цзинь Ганцзуань, – к каждому слову придираешься. Да шучу я, шучу! Сам подумай, ведь наш Цзюго – город цивилизованный, не дикари какие-нибудь, ну кто допустит, чтобы детей ели? А что у вас в прокуратуре дошли до того, чтобы поверить в подобную сказку из «Тысячи и одной ночи» и на полном серьезе послать человека проводить расследование, – так это просто уровень писателя с большим воображением!

Оба руководителя шахты тянулись к нему с рюмками:

– Старина Дин, за такую бесцеремонную пальбу штраф – три чарки!

Дин Гоуэр и сам понимал, что дал маху, и против штрафа не возражал.

– У тебя, уважаемый товарищ Дин, порочный человек – враг и четкая позиция – кого любить, кого ненавидеть, – заявил Цзинь Ганцзуань, – три рюмки в твою честь!

Лесть Дин Гоуэр любил и тост на три рюмки принял.

После шести рюмок сознание снова слегка затуманилось. И когда то ли директор, то ли партсекретарь передал ему другую половину руки мальчика, он отбросил палочки и, не обращая внимания на жир, схватил ее обеими руками и стал жадно поглощать.

Так, под смех присутствующих он ее и умял. Директор

с партсекретарем стали подбивать на тосты официанток. Те налетели со своим кокетством и глупостями и залили в него двадцать одну рюмку подряд. Как с ним прощался Цзинь Ганцзуань, Дин Гоуэр услышал уже откуда-то из-под потолка.

Оттуда же, из-под потолка, он видел, как Цзинь Ганцзуань легкой поступью выходит из банкетного зала, слышал, как он дает какие-то инструкции директору и партсекретарю. Открыв обитые кожей двери, две девицы в красном церемонно и почтительно встали каждая у своей створки. Он отметил, как у них собраны волосы в пучок на затылке, какие у них шеи, как выдается грудь. «Некрасиво подглядывать», – пожурил он себя. Потом увидел, как партсекретарь с директором дают указания старшей официантке и уходят. Стоило им выйти, девицы в красном столпились у стола и дружно набросились на еду, хватая всё подряд и запихивая в рот. Ели они как-то озлобленно и выглядели совсем не такими, как минуту назад. Оболочка его собственного тела распласталась на стуле безжизненным куском плоти. Шея на спинке, голова повернута в сторону, из уголков рта текут струйки, как из опрокинутого сосуда с вином. Он смотрел из-под потолка на свою полумертвую плоть со слезами на глазах.

Насытившись, девицы вытерли рты скатертью. Одна воровато сунула в бюстгальтер пачку сигарет «чжунхуа». Представив, как тесно, должно быть, стало груди, он вздохнул.

– Тащите этого налакавшегося кота в гостевой дом, – слышался голос старшей официантки.

Две девицы подхватили его под руки, но он был словно без костей, и поднять его не удалось.

– Вот ведь песдохлый! – выругалась девица с бородавкой за ухом.

Его аж зло разобрало.

Другая у него на глазах подняла папку, расстегнула молнию, достала пистолет и стала вертеть в руках. «Положи оружие на место! – испуганно закричал он у себя под потолком. – А ну как выстрелит!» Но все словно оглохло. «Силы небесные, обороните». Девица засунула пистолет обратно в папку и, расстегнув молнию на внутреннем кармане, вытащила фотографию той женщины.

– Ой, гляньте-ка, что тут! – воскликнула она.

Официантки окружили ее и стали наперебой высказывать свое мнение.

Кипя от злости, он обзывал их последними словами, но они и ухом не вели.

Наконец вчетвером они подняли мое тело. Вынесли из банкетного зала и, как дохлого пса, потащили по тому же коридору с ковровой дорожкой. Одна ткнула меня носком туфли в щиколотку – нарочно. «Шлюха грязная! Тело у меня – да, бесчувственное, но дух не дремлет». Я летел в трех чиху над головами, беспорядочно маша крыльями, ни на шаг не отставая от своего тела и печально взирая на свою

неустоявшую плоть. Коридор никак не кончался. Было видно, как алкоголь сочится у меня изо рта и льется на шею. От меня жутко несло перегаром, и девицы старательно зажимали носы. Одну даже чуть не вытошнило. Шея у меня смахивала на пожухлый, мягкий стебель чеснока, голова болталась на груди. Лица не видно, лишь пепельно-бледные уши торчат. Одна из девиц шествовала сзади с моей папкой.

Длиннющий коридор наконец кончился, и я увидел знакомый большой зал. Тело мое бросили на ковер. Глянув на свое лицо, я даже перепугался. Глаза закрыты, кожа цвета старой, рваной бумаги для окон. Рот приоткрыт, половина зубов белые, половина – черные. Вверх поднялась волна жуткого перегара, и я думал, что меня сейчас вытошнит. Тело выгнулось, словно в судорогах, и брюки намокли – вот стыдоба!

Передохнув, девицы поволокли меня вон из зала. Снаружи простиралось море подсолнухов, и на фоне кроваво-красного заката их головы отливали особенно теплым золотистым цветом. Через рощу подсолнухов, оказывается, вела ровная, как стальной лист, бетонная дорожка, и на ней стоял роскошный серебристый лимузин «Тойота краун». В него, пригнувшись, сел Цзинь Ганцзуань. «Тойота» медленно тронулась, близнецы-руководители помахали вслед, и через мгновение лимузин исчез. Девицы потащили меня по этой бетонной дорожке. У стебля подсолнуха, толстого, как ствол дерева, заливался лаем пес. Лоснящаяся шерсть, весь черный, только уши белые. При каждом приступе лая его тело то

сжималось, то растягивалось, словно меха аккордеона. Куда меня тащат, в конце концов? Будто хитрые глазки, мерцали огни горнодобывающего района; та же, что и утром, техника, та же лебедка. Навстречу попалась группа чумазных людей в алюминиевых касках. Не знаю почему, но встречаться с ними лицом к лицу было боязно. Если у них добрые намерения – не беда, а если нет – тут уж никуда не убежишь. Шахтеры посторонились, и девицы протащили меня будто сквозь строй. От шахтеров исходил тяжелый запах пота и сырой, гнилой дух забоя. Взгляды буравили мое тело. Кто-то грязно выругался, но девицы шествовали, гордо вскинув голову и выпятив грудь, и не обращали на них внимания. До меня дошло, что эти связанные с сексом слова брошены им, а не мне.

Меня занесли в небольшой отдельно стоящий домик, где за стойкой, исцарапанной иероглифами, сидели две девицы в белом. Они касались друг друга коленями и, завидев нас, чуть отвели их. Одна нажала кнопку на стене, медленно раскрылась дверца – по всей видимости, лифт. Меня втащили внутрь, и дверца закрылась. Оказалось, действительно лифт, и он стремительно полетел вниз. «Вот уж настоящая шахта, – уважительно подумал я. – Всё под землей. Можно не сомневаться, они и Великую Китайскую стену под землей соорудить могут». Лифт гроыхнул и трижды содрогнулся – приехали. Дверцы распахнулись. От резкого света аж в глазах зарябило. Роскошный зал, на мраморном полу, как

в воде, можно видеть свое отражение, рельефный декор на потолке и несколько сотен изящных светильников. Четыре большие многоугольные колонны, облицованные мраморной плиткой. Цветы и зелень. Суперсовременный аквариум с золотыми рыбками, такими жирными, что смотреть противно. Девы аккуратно занесли мое тело в номер четыреста десять. Ума не приложу, откуда здесь номер четыреста десять, что это за небоскреб такой? Нью-йоркский небоскреб ведет прямо в рай, а этот, в Цзюго, – прямехонько в ад. Девы раздели меня и положили на кровать. Папку оставили на чайном столике. И ушли. Через пять минут дверь открылась, вошла горничная в бежевом костюме и поставила на столик чашку. Я услышал, как она обращается к моему телу:

– Прошу откусать чаю, руководитель.

Ответа не последовало.

Девы размалеванная, ресницы торчат, как свиная щетина. Зазвонил телефон на тумбочке в изголовье кровати. Протянув костлявую руку, она сняла трубку. В номере было так тихо, что я услышал мужской голос:

– Проснулся?

– Лежит без движения, вид жуткий.

– Глянь, сердце бьется?

С выражением крайнего отвращения девы положила руку мне на грудь:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.